

A man and a woman are standing on a city street. The man is on the left, shirtless, wearing a black tank top and grey pants, looking towards the woman. The woman is on the right, wearing a black tank top, denim shorts, and black boots, with her arms raised in a celebratory gesture. The background shows a city street with buildings and a clear sky.

В самое
сердце...

Моя Мишень

Ольга Верная

Ольга Вечная
Моя мишень
Серия «Парни из стали», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67422326
SelfPub;

Аннотация

Она не помнит, когда влюбилась в него. В семнадцать лет? Двенадцать? А может, еще раньше? Прошло восемь лет, прежде чем она решила вернуться в родной город и встретиться с другом детства.

Он никогда никого не любил. И не узнал ее при первой встрече. Встрече, после которой обоим захотелось перемен. И кажется, они оба... почти к ним готовы.

Горячие герои, большая любовь, меняющая все.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	22
Глава 3	31
Глава 4	37
Глава 5	52
Глава 6	68
Глава 7	85
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Ольга Вечная

Моя мишень

Все вымышлено. Любые совпадения случайны

Пролог

Кажется, приехали. Жму на тормоз и дергаю ручник – теперь не скатимся. Отсюда открывается классный вид на Енисей, Рита сидит рядом, любитесь, взгляд замороженный, как будто влюбленный. Ветра нет, небо ясное, обзор с нашей точки отличный, при этом мы спрятались в кустах, в полной безопасности. Я машинально отмечаю так много бесполезных для свидания моментов, что самому смешно.

Неотрывно держать цель более двенадцати часов подряд – то еще испытание. Если бы инструктора выбирали в объекты наблюдения хорошеньких девушек, а не гребаные кусты, снайперов в мире стало бы на порядок больше.

Это все шутки, а если серьезно... Не знаю, как так получилось. Я одиночка по жизни. Наши пальцы переплетаются.

Темнеет уже, закат сбоку занимательный: красноватое низкое солнце, розово-желтые блики пятнами на черной воде, – время неуклонно приближает нас к ночи. Фары специально не гашу, пусть видит реку, деревья на ближайшем острове, меня пусть тоже видит.

– Я без тебя не могу и не хочу, – говорит она не то с вызовом, не то с надрывом. Переваривай, как хочешь, дескать. Усваивай информацию, пусть по венам твоим разносится к каждой клетке. Питайся этим теперь. Знай.

– А надо без меня? – приподнимаю брови.

– Сделай меня своей.

– Ты все еще думаешь, это работает именно так?

– Мне нужно доказательство, что я твоя женщина. Мне это нужно, как ты не понимаешь? Я не согласна просто вот так жить у тебя, обниматься, целоваться. Это все приятно, но я хочу большего, мне надоело ждать. Я готова.

– Прямо сейчас? – подшучиваю над ней.

– Просто трахни меня уже, – она поворачивается ко мне и улыбается.

– Да ты, я посмотрю, принцесса, – улыбаюсь, она в ответ тоже. Пожимает плечами, дескать, что есть, то есть.

– Как прошла смена? – спрашивает, спохватываясь.

– Хорошо, все как обычно.

– Пока не разменял вторую сотню?

– Пока нет, – улыбаюсь в ответ. Наша убойная шутка, скольких человек я положил спать навсегда.

– Я не атомная бомба, Леш.

Возможно, и не атомная, а может, и... она самая. Мы уже пробовали один раз, у нее низкий болевой порог, и когда дошли до дела, она потеряла сознание при первом же толчке. В общем, я тогда здорово струхнул, надо было закончить, чтобы наверняка перелистнуть эту неприятную страницу. Но... блть, к такому меня армейская школа жизни не готовила: девица подо мной закричала и потеряла сознание.

– Между прочим, у меня психологическая травма после прошлого раза, – говорю ей, вызывая яркий смех, настолько

нелепо звучат эти слова в контексте предыдущей темы для разговора.

– Как-нибудь уж справься с ней, соберись, Алексей, – толкает меня в плечо и подмигивает.

Достаю из бардачка необходимые атрибуты, распихиваю по карманам, далее выхожу из машины, огибаю тачку, открываю дверь и галантно протягиваю девушке ладонь. Сжав ее пальцы, довольно резко дергаю на себя, – смеется, падая мне в руки. Кружу ее, а потом плюхаю на теплый капот. Обхватываю бедра и тяну на себя. Стягиваю с себя майку, она тут же проводит пальцами по моей груди, кусает губы, тащится от меня. А потом ощутимо царапает ногтями, оставляя белые бороздочки. Плечи, лопатки, живот, не останавливаясь. Как кот ласкает, знает подход же. Отказываюсь сопротивляться, реагирую. Выдыхаю шумно воздух от удовольствия.

Сделать ее своей женщиной.

«Нахрен мне это надо?» – думаю, а сам целую. Жадно, с языком. Ласкаю ее рот, распаяясь, обхватываю ладонями ее талию, веду по спине вниз, стискиваю ее бедра. С силой массирую. Заводит потому что.

– Нас съедят комары, – предупреждаю ее.

– Не успеют. У меня защита, – показывает пластиковые браслеты на запястьях, касается ими, и разводит широко руки. Полагаю, это что-то из комиксов, но я такую хрень не читаю.

– Тогда тебя сожру я.

Она раздевается сама. Пуговицы впереди на платье. А подол задрать можно.

– Блть. Где лепестки роз? – шепчу ей в губы, она снова звонко смеется, немного нервно.

– Ты без них не можешь? – приподнимает левую бровь. Стебет меня без остановки, шлепаю по заднице. Совсем страх потеряла.

– Заткнись, – с хохотком.

– Ладно, – ерошит мои волосы на затылке.

А потом нам не смешно. Такой девки у меня еще не было. Фигура, слепленная специально для секса, но я хочу душу. Сожрать ее душу всю целиком. Расстегиваю ремень на штанах, ширинку, и она обхватывает меня ногами. Плотно прижимается, не выпуская из сладкого капкана.

Мы снова целуемся, этот контакт важен. Иногда я проверяю, смотрит ли она на меня. Два против трех – глаза открыты/закрыты. Кожа к коже. Запахи смешиваются. Движения становятся жестче, я нависаю, заваливая ее. Впечатываюсь, словно угрожая. Любой секс, даже со с*аными лепестками по кровати – это агрессия. Вторжение в чужое тело. Сама мысль об этом заводит на двенадцать часов, не забыться бы. А у нее второй первый раз на горизонте. Стягиваю с нее белье.

Практически держу на весу девушку. Мы репетировали множество раз, она отзывается, между нами лишь ткань мо-

их трусов, я чувствую, что она, ткань, уже мокрая от ее возбуждения.

– Я хочу тебя, – стонет мне на ухо, – Ле-шень-ка.

– Я хочу тебя, – отвечаю так же тихо. Мы повторяем эти слова снова и снова, хреновы романтики. Не понимаю, почему это так заводит. Чертовски приятно, когда тебя хотят. Так сильно хотят твоё тело, что сходят с ума. Она кусает мою кожу на груди, втягивает ее в рот – будет засос, лижет, снова целует. Мы жадные друг до друга, голодные. Если меня сейчас кто-то остановит, я просто убью его.

Провожу пальцами между ее ног, задержавшись на клиторе. Выгибается, стонет громче. Красивая. Разве не моя? Какие еще требуются доказательства?

Достаю из заднего кармана баночку со смазкой, показываю ей и демонстративно швыряю за спину.

– Нафиг не понадобится, – сообщаю, она смеется.

Прикусываю мочку ее уха до легкой боли, будто проверяя реакцию, она вцепляется в мои плечи, реагирует на грубую ласку. Горячая, как адище.

Я спускаю трусы, освобождая член. Она наблюдает, как я натягиваю презерватив. Дрожит, когда я снова тяну ее на себя. «Сделать своей женщиной». Словить высший кайф, когда единственный человек, за которого любому глотку перегрызешь зубами, заходится в боли. На ее теле много шрамов, я оставляю еще один.

От предвкушения мои глаза закатываются, низкий стон

из груди рвется. Он тонет во множестве ее шумных вздохов. Пусть дышит, пока я пью ее душу быстрыми глотками. Раскрываю ее для себя, фиксирую, чтобы не дернулась. Вторгаюсь на сантиметр. Замираю. Сегодня все будет плавно. Плавно – значит быстро. Она пытается расслабиться, цепляясь за мои плечи. Сейчас будет толчок. Готова? Нет? Да поздно уже.

* * *

Некоторые требования при поступлении в школу снайперов:

возраст не старше 35 лет;

отсутствие супруги (супруга);

принадлежность к православию или без религиозных предпочтений;

не должен быть единственным кормильцем или ребенком в семье;

без вредных привычек.

Глава 1

Несколькими месяцами ранее

Переминаюсь с ноги на ногу под окнами его бабушки. Вернее, под его окнами, бабу Лизы несколько лет как нет, и его мама намекнула моим, что он теперь здесь живет. Мне будто снова двенадцать, чувствую на языке привкус давно позабытой неуверенности. Дежавю. За столько лет здесь ничего особо не поменялось: старый заросший дворик, темно-зеленые лавочки у подъезда. А нет, детскую площадку обновили и домофоны поставили. Раньше вход в подъезд не запирался, но при этом никому в голову не приходило шлаться, мы под окнами кричали, звали гулять.

У меня нет его номера телефона. Стоило попросить, наверное, но ему бы тогда передали, и сюрприза не вышло. А мне важно увидеть первую реакцию. Зачем? Сама не знаю. Столько лет прошло, как бы не пришлось заново знакомиться.

Может, он меня и вовсе не узнает? Но я специально оделась как тогда, на своем выпускном: в тонкую черную толстовку и синие джинсы. Ну, и куртка, куда ж без нее с таким ветром, хотя и середина мая. Платья у меня в тот памятный

день не было, не стала позориться.

Две незнакомые старушки у его подъезда прервали разговор и поглядывают на меня с интересом. Ну что ж.

– Здравствуйте, – здороваюсь вежливо, они кивают и смотрят в ожидании продолжения: – Вы не против, если я покричу немного?

Переглядываются, качают головами, дескать, это диковато, но дерзай, коль пришла.

Кхм. Набираю в грудь побольше воздуха, потом смеюсь и выдыхаю. Какая глупость! Ну ладно, попытка номер два. Делаю то же самое, смотрю на окна четвертого этажа.

Вдох и:

– Леха-а-а! – кричу. – Леха-а, выходи!

Краснею и неловко пожимаю плечами, извиняясь перед старушками. Они участливо подсказывают:

– Может, позвонить? – одна даже протягивает свой мобильный – между прочим, айфон.

– Спасибо, у меня есть телефон. Номера его нет.

– А-а-а.

И я снова:

– Леха-а-а Мар-чен-ко! Выходи!! – кричу. Свет в квартире не горит, но сейчас середина дня, и это логично. Пластиковое окно открыто на проветривание. В моей памяти оно еще осталось деревянным, выкрашенным белой краской. Возможно, его нет дома? Хотя машина стоит неподалеку, номер я подсмотрела на фотографиях.

В третий раз бабульки неожиданно подхватывают мою смелую идею и еще пару минут мы зовем Леху все вместе. Потом они замолкают и кивают куда-то мне за спину. Сердце заходится от догадки, я быстро оборачиваюсь и упираюсь взглядом в мужчину, который стоит буквально в нескольких метрах от меня. Приподнимает брови, буравит меня внимательными глазами, судя по всему, пребывая в легком недоумении, если не сказать – шоке. Не узнает. Он меня не узнает. Это ожидаемо, но все равно обидно. Значит, совсем не следил за моей жизнью, не интересовался. По-фи-гу.

Я же невольно отшатываюсь, делая широкий шаг назад. Лицо напротив знакомо до боли, а вот фигура... Боже, он просто огромный по сравнению с тем, какого я запомнила. Куда делся тощий, нескладный парень? Когда отец обронил, что Леха работает в спецназе полиции, я невольно рассмеялась. У его отчима, конечно, три звезды на погонах, но одно дело запихать, другое – удержаться, а с его нравом и привычками – миссия казалась невыполнимой.

Он выше меня больше чем на голову, крепкий, даже мощный, как гора. Одет в спортивную куртку и серые мягкие штаны, на ногах – найковские кроссы, в руках – пакет из Красного Яра, по всей видимости, с продуктами.

– Чего орем? Вы кто? – спрашивает холодно, оглядывая меня с головы до ног.

– Вот, в гости к тебе приехала, – заметно, что парень офицеваает от моей наглости. – Ты меня совсем не узнаешь? –

смотрю на него, начиная волноваться. Мне не двенадцать, и даже не шестнадцать, – повторяю мысленно. Я взрослый, уверенный в себе человек. – Решила детство вспомнить. – Мой голос режет его слух, понимание отражается на лице, и он прищуривается, словно не доверяет собственным глазам.

Бабульки за спиной замерли в ожидании драмы.

– Вы обознались, девушка. Я бы вас запомнил.

– А вот так? – торопливо накидываю капюшон на голову, натягиваю на лицо черную ткань и сутулюсь. У меня пальцы дрожат, никак не ожидала от себя такой реакции в его присутствии. Мне казалось, наша встреча пройдет легко и непринужденно, мы ведь давние приятели, которые не виделись почти десять лет. Становится тоскливо от мысли, что он не захочет вспоминать меня. На что я рассчитывала? Теплые объятия и приглашение на чай, как в старые добрые? На моем канале четыре миллиона подписчиков, очевидно, что Марченко среди них нет.

А потом у него приоткрывается рот.

– Рита? Нет, я... – он делает несколько шагов вперед, взгляд впивается в мое лицо так хищно и пристально, что еще немного – и я, клянусь, почувствую физическое воздействие. Торопливо киваю, подбадривая. Откуда-то берется так много радости, что мне приходится заморгать, прогоняя непрошенные слезы.

Плотину прорывает внезапно: на меня обрушиваются воспоминания, унося потоком плохо контролируемых эмоций –

стыд, неловкость, а следом в каком-то роде даже гордость, что вот какой я стала. Не завяла так и не распутившимся цветком в кладовке, как ожидали многие.

– Это правда ты? – говорит, все еще сомневаясь. – Кто бы мог подумать... Да ты... какая ты красотка! – наконец-то он улыбается, подходит ближе, протягивает руку, которую я со смехом пожимаю. Мы неуклюже обнимаемся, и я с восторгом закрываю глаза, ненадолго оказавшись в его объятиях. Когда мы виделись в последний раз, он меня поцеловал. На лавочке. Возможно, она до сих пор живая, можно будет побродить по дворам чуть позже, поискать. Хотя... зачем мне это нужно?

Я не пошла на выпускной. Сидела в своей комнате, слушая, как тихонько переговариваются на кухне расстроенные родители. Он откуда-то догадался о моей депрессии, зашел в гости, пригласил пройтись. Ему было так сильно меня жалко, что в один момент он вдруг прервал нашу, как и обычно, истекающую сарказмом и презрением к миру беседу, приподнял мое лицо за подбородок, склонился и поцеловал. В этот момент я почувствовала себя как никогда уязвимой. Сейчас это ощущение вернулось.

На короткий миг я очень сильно к нему прижимаюсь, чувствуя, как напрягаются его руки на моей талии. Наши лица тянутся друг к другу, будто для поцелуя, но мы оба вовремя останавливаемся и широко улыбаемся.

– Ты та-ак изменился, – говорю ему, не утаивая восхище-

ния.

– И ты тоже. Я слышал, что какой-то фонд выделил тебе деньги на... операцию, но не ожидал, что бывает... так.

– Да, результат превзошел самые смелые ожидания.

Когда мне едва исполнилось десять, мы с дядей попали в аварию. Я не очень люблю обсуждать эту тему, надоело, но, к сожалению, случившееся – часть моего прошлого, от которого никуда не денешься. Просто... так бывает. Мне не повезло, хотя последнее утверждение – весьма спорное. Могло быть и хуже, в газетах того года писали, что девочку укрыл ангел-хранитель, руками хирургов руководил сам Господь Бог... Живая, здоровая, какое счастье! Немного, правда, изменившаяся внешне, но нужно было радоваться и такому результату. Конечности – на месте, голова – на плечах. Я радовалась, правда. И родители мои радовались, поддерживали своего единственного ребенка, как умели.

Если шрамы на руке и плече можно было легко спрятать под одеждой, то лицо... Лицо, несмотря на все старания докторов, выглядело плохо. Просто отвратительно, если уж совсем честно. Вся левая сторона – один большой, безобразный шрам, который не спрятать ни под одним тональным кремом. Даже ближайшая подруга – кстати, Лехина сестра – свела наше общение на нет. Что ей еще оставалось? Никто не хотел с ней дружить, пока я терлась рядом. На меня было слишком больно смотреть, поэтому окружающие этого не

делали.

Леха же лгал своим приятелям, будто я его младшая сестра, и иногда таскал за собой: на природу, в кино, или просто по городу тусоваться.

Мы никогда никуда не ходили вдвоем, даже когда я стала старше, ни о каких свиданиях и речи не шло. Но если собиралась компания, то я шла с ними, родители отпускали, доверяли ему. Иногда меня посещала опасная мысль, что они приплачивают ему за сострадание, мне даже снилось, как я подслушиваю их разговор и узнаю, что мой единственный друг на самом деле общается со мной исключительно из-за денег. Это была бы такая боль, которую вынести невозможно.

До сих пор меня страшит эта неприятная догадка, хотя я уже взрослая женщина, проработавшая комплексы с психологом.

Лехины друзья были старше меня в среднем на четыре года, но снисходительно терпели присутствие молчаливой мелочи, мне же было просто интересно все, что происходило вокруг. Я была для него в некотором роде обузой и понимала это, но не могла отказаться от нашего общения. Летом так и вовсе ежедневно звала поболтать на лавочке, крича под балконом его бабушки, благо он практически жил у нее во время каникул. Мы обсуждали компьютерные игры, фильмы, книжные ужастики и боевики, которые читали парал-

тельно. Вернее, он рассказывал, что начал читать прикольную книгу, и я тут же неслась в библиотеку за точно такой же.

Врачи тогда сработали безупречно, меня спасли, сохранили жизненно-важные функции лицевых мышц, я родилась в рубашке! С эстетической точки зрения, конечно, дела обстояли плохо. Но медицина не стоит на месте, около пяти лет назад я познакомилась со своим вторым ангелом-хранителем – Сашком, крайне грамотным и ушлым молодым мужчиной, который имел связи в фонде «Другая красота». Если обобщить, люди из фонда дарили внутренне красивым людям приемлемую для жизни в обществе внешность.

Я подошла идеально: молодая девчонка, студентка медколледжа с такой физиономией, что без слез не взглянешь. Мне помогли написать трогательную речь, будто я поступила в мед для того, чтобы помогать людям так же самоотверженно, как однажды врачи помогли мне. Что, на самом деле, было недалеко от правды, просто я бы никогда не осмелилась сформулировать настолько душещипательно.

Случилось второе чудо, и меня взяли в программу! Благодаря Сашку я победила в огромном международном конкурсе и вместе с ним уехала в Америку, где прошла через несколько пластических операций у лучших хирургов, причем практически в прямом эфире – на канале «Сашкина-Марго» можно посмотреть весь путь с последующей реабилитацией. Врачи подарили мне не просто обычную внеш-

ность, меня сделали красивой. Настолько привлекательной, что теперь я зарабатываю деньги своим лицом.

– Ты надолго приехала? Только не говори, что навсегда, – спрашивает Леха, с интересом изучая мое новое лицо. Я знаю эту реакцию: ему кажется, его подводят собственные глаза.

– У меня первый отпуск за пять лет, – обольстительно улыбаюсь, наблюдая за ним, – решила провести его с родными. Подумала, почему бы не навестить тебя, когда еще представится возможность?

– Правильно. Тогда поднимешься? Я ужасно голоден, – кивает на пакет.

– Да, с удовольствием, я даже десерт купила к чаю, – хлопаю по сумке.

– Тогда не будем терять времени, – он вновь окидывает меня цепким взглядом и слегка улыбается, совершенно непонятно, о чем думает. Скрывает шок, в котором пребывает? Или ждет подвоха? Глаза-то мои, те же самые. Если запутаешься, просто гляди в них.

Он мимоходом здоровается с бабульками, которые за его спиной меня подбадривают улыбками и тут же начинают переговариваться. Что-то мне подсказывает, о его жизни они осведомлены лучше меня, хорошо бы задать им несколько вопросов ради любопытства.

Поднимаемся пешком, так как лифтов в этих домах никогда не было. Интересно, почему он не купит жилье в более новом, современном районе? Судя по машине, парень не бедный. Столько вопросов! Продолжаю нервничать, просто находясь рядом с этим человеком.

– Ты когда прилетела? Давно в городе? – спрашивает он ровным голосом.

– Вчера, – пожимаю плечами и закусываю губу, следовало бы солгать. А то получается, не успела чемоданы распаковать, и сразу к нему. Поспешно добавляю: – Родители на работе, скучно. Решила прогуляться по знакомым местам, я все детство в этом районе прожила.

– Понял.

Стараюсь не сбить дыхание, которое уже подводит после третьего этажа, он идет чуть позади. Мне хочется скорее обо всем расспросить его! Восемь лет, шутка ли, нас разделяет целая жизнь, которая до неузнаваемости изменила обоих. Внешне – так точно.

Он открывает ключом надежную тяжеленную дверь. Раньше здесь стояла другая, обычная, обитая какой-то плотной тканью. Мы заходим в квартиру, я жадно рассматриваю новую обстановку: хороший ремонт, уютно, чисто, – и замираю, когда слышу шум внутри квартиры. Почему-то он по-

ражает меня, просто выбивает из колеи.

О нет, это ведь собака? Пусть у него будет собака. Или кошка. Да хоть удав с крокодилом на пару! Родители не предупредили, что у него есть домашние питомцы. Или... женщина.

Но навстречу к нам спешит, увы, не крокодил, а вполне миловидная девушка: темноволосая, примерно моя ровесница, в домашнем спортивном костюме и с высоким хвостом на затылке. Мы целую секунду в замешательстве смотрим друг на друга, потом Леха произносит:

– Ника, знакомься, это Рита, она теперь будет жить с нами. Как раз то, о чем мы говорили накануне, – и покровительственно кладет мне руки на плечи.

У девушки округляются глаза. У меня, в общем-то, тоже.

– Шутка, не удержался, – но при этом не улыбается. Вообще никто в этой прихожей не улыбается. – Это дочка Ожешко, она дружила с Катькой в детстве. А жаль, да? Хорошенькая, – тон настолько холодный, что им можно порезаться, как льдинкой. Леха чмокает меня в висок. – Рита, это Ника. Проходи, не стесняйся, будем обедать.

Сняв куртку, он направляется вглубь квартиры, сделав до этого все необходимое, чтобы мы с его девушкой возненавидели друг друга с первого взгляда.

Глава 2

За столом поговорить не очень-то получается. Беседа не клеится. Меня сковывает и раздражает информация о том, что он с кем-то живет, а я, как наивная дураха, разнервничалась, ударились в воспоминания и заревновала его так сильно, что даже больно.

Впрочем, судя по всему, эти двое или на грани расставания, или в ссоре. Друг на друга практически не смотрят, перебрасываются фразами исключительно по делу. Леха мешает ложкой суп, я цежу чай мелкими глотками, стараюсь не пялиться на него слишком откровенно.

Больше слова отца меня не смешат. Спецназ полиции, надо же. Руки – как три моих в толщину. Но и взгляд стал каким-то... тяжелым, заостренным, если можно так выразиться. Сосредоточенный, хотя мы просто сидим и кушаем, никакой беды не происходит.

Раньше он много смеялся. У него тоже было непростое детство, и за частыми улыбками он прятал постоянное напряжение. Что ж, заметно, что в юморе он больше не нуждается. Совсем.

В то время меня подкупало, что он шутил в том числе над моей внешностью, но беззлобно. Он озвучивал вслух то, что думали остальные, и от этого становилось легко, как будто он не пытался делать вид, что проблемы не существует, и меня

вместе с ней.

– А что за шутка про то, что мы будем жить втроем? – спрашиваю, бросая взгляд на его девушку. – Кажется, кто-то вынес сор из избы, – и вывалил его на меня – добавляю мысленно.

– Не обращай внимания, Рита, просто у кого-то чувство юмора отсутствует напрочь, – Ника закатывает глаза.

– Ты же сама вчера начала этот разговор, нет? – приподнимает он брови и ядовито улыбается. В его взгляде, мимике нет и капли любви или нежности. Мне кажется, она ему совершенно не подходит. Вот блин. Делаю усилие, чтобы забить свою детскую обидчивую ревность в угол. Он взрослый мужчина, у меня нет на него прав. И никогда не было.

Ника сверкает на него глазами и поджимает губы. Отворачивается. Мне хочется убраться отсюда подальше.

– Это не смешно, – говорит она колко. – Тем более при гостях.

– Смешно, – повторяет он. – Шведская, блин, семья. Я тебе это не скоро забуду, – чеканит слова.

– Ладно, прости меня, – она протягивает ему мизинец, немало удивляя меня. Он кивает, после чего она обнимает его со спины и целует в щеку. Милый жест, но он полностью его игнорирует, я бы даже сказала – терпит.

Наступает моя очередь отвести глаза.

Через пару часов, когда этот неудобный обед с последующим чаепитием, – в течение которого Ника разве что ему на колени не залезла, демонстрируя, что я нахожусь на ее территории, где мне не рады, – заканчивается, и я начинаю собираться на выход. Чувствую себя слегка расстроенной и разочарованной: нам так и не удалось поговорить. Самый приятный момент был на улице, когда мы искренне улыбнулись друг другу.

– Вы сейчас где-то на правом живете? – спрашивает Леха.

– Да, на Аэрокосе. Не подскажешь, на каком маршруте можно добраться? «Тройка» все еще считается экскурсионным? – мне становится тепло от внезапно всплывшей в памяти информации. – Я сюда на такси добралась, но хочу покататься по городу, делать все равно нечего. За последние пять лет здесь все изменилось, особенно разительно после Универсиады.

– Новый мост построили. Видела? – интересуется Леха и рассказывает, где именно, я киваю.

– Только на фотографиях.

– Поехали, прокатимся? Я тебя подброшу.

– О, с радостью! – потом обрываю себя: – Если у вас нет других планов, конечно.

– У меня – нет, – говорит он, – только переоденусь.

Я смотрю на Нику, она – на него, потом пожимает плечами и начинает убирать со стола. Странная пара, счастьем в этой семье даже и не пахнет.

– У тебя не будет неприятностей из-за меня? – уточняю, удобно устроившись в его «Крузере Прадо». Припоминаю, что он увлекался стрельбой, эта машина идеально подходит для охоты.

– Ты про Нику, что ли?

До его девушки мне не должно быть никакого дела. Я ее не знаю, узнавать не собираюсь и уж точно не планирую проникаться к ней симпатией. Она мне не подруга, она мне никто. А Леха... мы росли в одном дворе, долгое время он был моим лучшим другом. И еще двадцать пять предложений, призванных усыпить мою совесть и оправдать то, что сейчас испытываю: я догадывалась, что он мне понравится, но не ожидала, что так сильно.

Он пожимает плечами:

– Разве мы делаем что-то плохое?

– Совершенно ничего.

– Если ее что-то разозлит, пусть скажет об этом ртом. Это ведь несложно, как ты считаешь? – и смотрит выжидающе. Трудно перестроиться и привыкнуть к его новой манере общения. Он осаживает и тоном, и взглядами.

Теперь мне даже кажется, что внутренне он изменился сильнее, чем внешне. Темно-русые волосы по-прежнему коротко подстрижены, как и всегда на моей памяти – сначала

он учился в кадетском корпусе, затем – в военном училище, а там критически относятся к поиску собственного «образа» и к экспериментам, но насколько я помню, он всегда люто ненавидел людей в погонах. Я боялась, он вот-вот сорвется, сделает тату на видном месте или спалится на какой-нибудь пьянке. Ничего подобного. Никаких отличительных знаков: черный тонкий свитер с длинным рукавом, джинсы, стандартная внешность и суровые глаза. Резковатые ответы на невинные вопросы.

Некоторое время мы вспоминаем детство, общих знакомых, которых у нас – море. Правда, он сам мало о ком знает: как и мною, не интересовался. Поэтому в основном я просвещаю мужчину о его же друзьях: кто женился, кто развелся. Делюсь, что немного не успела доучиться на медсестру, но мечтаю однажды закончить образование. Также я много болтаю про жизнь в столице и отдых в Европе и Азии, упоминаю и Америку, но с ней связаны скорее негативные воспоминания: долгое восстановление после операций, больничные палаты, изматывающая слабость. Мне хочется, чтобы он гордился мной, и кажется, я слегка перебарщиваю.

– ...Поэтому жду очередной заграничной визы шлепать уже некуда. А ты бывал где-нибудь, кроме России? – задаю вопрос, чтобы он сказал хотя бы что-нибудь за целый час, во время которого мы объехали все мосты, заправили полный бак и продолжили кататься.

– А как же, – усмехается, охотно включаясь. – Только пару лет как вернулся домой, до этого можно тоже сказать, что путешествовал. «Загранпаспорт» выдало государство после заключения контракта.

– О, да, глупый вопрос с моей стороны, – размышляю, спрашивать ли в какие именно страны его отправляли, но вряд ли расскажет. Да и, наверное, экскурсии там не проводили. – А потом что?

– Контракт закончился, и я вдруг решил его не продлевать. Захотел попробовать пожить другой жизнью. Кушать вкусную еду, спать на ортопедическом, блть, матрасе, – он лукаво улыбается.

– Я тобой, честно, очень горжусь.

– Ты всегда гордилась, – говорит со смешком, но вроде по-доброму. – Я тобой тоже.

– Папа сказал, ты сейчас в полиции.

Он кивает.

– Кто бы мог подумать, Леш. Сколько помню, ты клялся и божился, что не пойдешь по стопам Глеба Николаевича! Презирал все эти... как ты говорил? «Рота, подъем!» в шесть утра, строем на завтрак, на обед, на парад и в туалет. И что в итоге?

– Это ты к чему? – улыбка из добродушной превращается в натянутую.

– Как к чему? Интересно же. Ты всегда утверждал, что погоны не для тебя. Вспомни, что ты творил, когда приезжал

домой! Если бы не связи дядь Глеба, сколько приводов у тебя бы было?

– Нисколько, – отвечает он, повернувшись ко мне. Смотрит с недоумением. Сбрасывает скорость, и мы тихо катимся к впереди стоящему красному светофору.

– Как это нисколько? Отец рассказывал, тебя ловили с травкой.

– Один раз и не меня лично, я был в компании. Это Ленёв раздул, словно спас меня от срока. Что, разумеется, было враньем.

– Не знаю, не знаю. Но что все-таки изменилось? Как они тебя дожали? – решаюсь подколоть его.

– Рита... – заметно, что он старательно подбирает слова. Мне становится не по себе, разговор уходит в неправильное русло. – Как бы тебе объяснить? А еще раньше я говорить не умел, только вопить. И нужду в пеленки справлял, пока горшок не освоил. Предлагаешь и этим меня всю жизнь тыркать?

– Нет, конечно, – чувствую, как краска заливает лицо.

– Иногда мы поступаем так, потому что не можем иначе. Потом учимся, работаем над собой. Да, я много чего говорил и делал. Сейчас, слава Богу, могу по-другому. Зачем ты мне говоришь все это? Что хочешь услышать? Что человек, которого я всю жизнь ненавижу, прогнул меня? Это неправда. К моей карьере он не имеет никакого отношения.

Я закрываю рот и отворачиваюсь к окну. Поговорили, на-

зывается. Шутка не прошла. Он выдерживает паузу, но я не представляю, что ему ответить. Загорается зеленый, мы трогаемся с места, в очередной раз минуя поворот на Коммунальный мост. Он злится на меня, но домой не везет. Катаемся.

– Извини, я не подумала, что тебя заденут мои слова, – говорю, не решаясь посмотреть в его сторону. Очевидно, что он уважает свое дело и подобного рода насмешки отныне неприемлемы.

– Никто меня не дожимал, – отвечает значительно мягче, но по-прежнему натянуто. – Я познакомился с другими людьми и понял, что далеко не все офицеры – конченные ублюдки. Просто мне не повезло расти с одним из них. Не принимай на свой счет, мелкая, я рычу не со зла, просто такая дурацкая манера. Да и тема, что отчим сделал из меня человека, порядком надоела. Хотя бы ты не заводи эту шарманку.

– Правда, прости. Я знаю, что ты не злой. Ты... просто сердитый.

– «Сердитый»? – переспрашивает вновь с улыбкой, напряжение спадает. Кажется, мы миримся. – Что это за слово такое? Странное.

– Почему же?

– Ни разу не слышал, чтобы кто-то употреблял его вслух.

– А вот к тебе оно теперь идеально подходит. Но мне даже нравится новый Алексей, четко знающий, чего хочет от

жизни. Ты молодец.

Потому что ты стал еще лучше, чем раньше.

Глава 3

– Это совершенно не мое дело, но лицо... оно ведь другое, – говорит Леха сразу после ужина в одной из кафешек возле БКЗ. Мы ждем десерт, тянем кофе. С виду походим на парочку на первом, максимум, втором свидании. С осторожностью подбираем темы для разговоров, перебрасываемся долгими взглядами. Он удивительно много ест, как только помещается, а я впервые за последние годы забываю о существовании телефона и даже вздрагиваю, когда звонит мама и приглашает нас с Лешей на ужин. Он вежливо отказывается, и мы возвращаемся к разговору.

Ему, кстати, никто ни разу не позвонил и не писал, по крайней мере, не заметила, чтобы он держал сотовый в руке.

– Да. Просто убрать шрамы было невозможно. Той, прежней, Риты больше не существует. Переделали полностью. Тебе сложно перестроиться? Многие родственники и знакомые так и не смогли поверить, что это я. Поначалу задавали сложные вопросы из детства, – посмеиваюсь, – половину я завалила, потому что помнить такие мелочи невозможно! И стало еще хуже.

Я снова теряюсь в его серьезных серо-голубых глазах. А еще мне очень сильно хочется рассмешить его по-настоящему, чтобы откинул голову и захохотал вслух, наконец, расслабился. Что там с ним сделали? Что если я спрошу напрям-

мую?

– Мне просто нужно привыкнуть, – говорит он медленно. – Я также пытаюсь представить, как это все было... – делает паузу.

– Больно? Нет, вполне терпимо, врачи не жалеют морфия. Самая болезненная операция, как ни странно, – на груди. Наверное, потому что самая бестолковая, – его взгляд мгновенно опускается ниже, я немного жалею, что в футболке и толстовке, трудно одеться менее привлекательно, чем я сегодня. Мне сделали не очень большой размер, едва ли тройка, но на моей фигуре смотрится впечатляюще, больше и не нужно. Это-то перебор.

– А зачем ты на нее согласилась? – продолжая оценивать.

– Кто-то, вижу, явно заинтересовался.

– Нет, – он поспешно отводит глаза, словно застучали, и я смеюсь в голос. – Чисто технически интересно, – но тоже улыбается.

– Я ее сделала, потому что не могла иначе, – цитируя его недавнюю пламенную речь. – Расскажи лучше, а что это за жетон у тебя на шее? Явно ведь ты не свой так носишь?

Он кивает, достает из-под свитера, а я перебираюсь на его диванчик. На самом деле, цель была оказаться ближе, сам жетон мне не так сильно интересен.

Верчу в руках железку, она старая, потертая. Вдыхаю приятный аромат туалетной воды, стараясь запомнить. Леха, кстати, снова поглядывает на грудь. Не знаю, что чувствую

по этому поводу, разберусь после.

– Это с моего первого серьезного приказа, – говорит мрачно и тихо. – Забрал на память. – Ммм-м, – тяну я. – С первой мировой. Приказ был, как я понимаю, лопатой копать? – совершенно серьезным тоном.

Он тут же смотрит мне в глаза, расплывается в улыбке, а потом хохочет в полный голос. Наконец-то! Вот таким я его и помнила! Смеется низко, заразительно, я тут же подхватываю.

– А ты умненькой выросла, – говорит он, потрепав меня по голове, словно младшую сестру, но руку кладет на спинку дивана так, будто обнимает. Будто я «его».

– Обычно люди восхищаются?

– Молчат под впечатлением.

– Купил на вокзале? – приподнимаю бровь.

– Дал дедуле денег на Луче, он мне в ответ и подарил. Сказал, настоящий. Попросил сохранить, насколько получится.

– Почему бы и нет?

– Я так же подумал.

Интересно, он из тех, кто изменяет своим девушкам? Этот вопрос остаток вечера болтается у меня на языке. И когда мы доедаем тортики в кафе, и когда идем в обнимку в машину, где прогреваем двигатель дольше, чем требуется. Интуиция подсказывает, что я тоже приглянулась ему. Сомневается? Взвешивает? Мне не стоит об этом думать. И о нем тоже. Мы

обречены быть друзьями, с этим придется смириться.

Но сердце отчаянно бахает в груди, едва мы снова оказываемся в замкнутом пространстве железной коробки. Двадцать пять лет полного одиночества, возвращение домой и в первую же неделю... испытать все, за чем, собственно, и ехала? Как он отреагирует на то, что я девственница? Мужчинам же нравится быть первыми? Круто, престижно? Или нет?

У него отличная задница, плоский живот и приятное лицо. Самое главное, я доверяю ему.

В решающий момент, когда мы прощаемся у моего подъезда и коротко обнимаемся напоследок, я понимаю, что сейчас или никогда. Набравшись смелости, тянусь к его губам, привстаю на цыпочки, но Леха вдруг отстраняется и выпрямляется. Теперь до его губ не достать, можно даже не пытаться прыгать.

– Это будет лишнее, – он качает головой.

– Уверен? – переспрашиваю, потому что мне кажется, что он сомневается. – Я приехала совсем ненадолго и подумала, что... никто не узнает.

– У меня вроде как отношения, – не то пожимает плечами, не то скидывает с них невидимый груз.

– «Вроде как» тебя устраивает?

– А бывает у кого-то иначе? Эй, только не обижайся. Ты – просто секс, я весь день пялюсь. Все как надо сейчас. Но... ты же скоро вернешься к себе в столицу, а я уже все, дома.

Напутешествовался вдоволь. Оставайся просто моей младшей сестрой. Еще одной.

Он весь день прикидывал, стоит ли. Тянул время. И пришел к выводу, который только что озвучил.

– Я тебе не сестра, и никогда не была ею, – голос звучит по-детски обидчиво.

Он улыбается вдруг искренне. Перемена разительна, у меня в груди ноет от этой его простой улыбки. Ряд белых ровных зубов. Потом он наклоняется и целует меня в щеку, а я обнимаю его крепко-крепко, но в этот раз – абсолютно подружески. Момент настолько чистый, интимный и искренний, что я внезапно чувствую себя счастливой. Словно и не было этих восьми сложных лет, и наши сердца не закованы в броню опыта.

– Я скучала по тебе, Леш. Столько раз собиралась написать, но не знала, с чего начать, – шепчу торопливо. – Скажи, ты счастлив с ней? Я просто хочу, чтобы ты был счастлив.

– Ты смотришь на меня как раньше, а я уже другой, Рит. Не сильно-то понимаю насчет счастья, но она меня... – он прищуривается, подбирая слова, – раздражает чуть меньше, чем другие женщины. У нее есть прекрасное качество – она неназойливая.

– И ты живешь с этим качеством?

– Статистически, семейные люди живут дольше и меньше болеют, – произносит зазубренную фразу, чем изрядно меня

веселит. – Идем, у тебя руки холодные.

– Спасибо за экскурсию, нужно будет еще как-нибудь увидеться. Обещаю, что приставать не буду, – поднимаю вверх руки, будто сдаваясь. Момент истек, наша беседа вновь превращается в череду обоюдных подколов.

– А зачем? – он смотрит на меня в упор, снова сердитый.

– Да просто. От скуки, как и раньше.

– Так а все-таки?

Потому что мне больше и позвонить-то, кроме тебя, никому, что непонятного?

– Кто первый придумает причину, тот и напишет.

– По рукам.

Глава 4

Сашок спрашивает в электронном письме, не скучно ли мне в провинции. Город-миллионник для него – село, мой босс в своем репертуаре! Черным по белому прозрачно намекает, что я в любой момент могу прервать свой никчемный отпуск и прилететь в Сочи: он как раз снимает сюжет про игорную зону, уровень сервиса и доступные развлечения. Выходит баснословно дорого, интересно, но меня в каком-нибудь откровенном красном платье на заднем фоне явно недостает.

«Нет, милый, спасибо, мне нужен тайм-аут. Помнишь, о чем я говорила тебе? Увидимся, как и договаривались, в июле. Уверена, у тебя там жара!»

Усилием воли заставляю себя не заходить в социальные сети, не читать комментарии и посты. У меня отдых. Конечно, трешка родителей на седьмом этаже с окнами, выходящими на остановку, – далеко не домик в деревне, но и холодновато пока для досуга на природе. День за днем родные работают, а я отсыпаюсь, готовлю, гуляю и читаю книги. Хожу в кино. Делаю все то, чего хочется именно мне, о такой роскоши долгое время приходилось только мечтать.

До судьбоносной встречи с Александром, – которого за глаза весь наш дружный коллектив любя зовет попросту «Сашком», хотя тот и жутко бесится такому сокращению, –

я умирала от избытка свободного времени. Сейчас же мечтаю хотя бы о трех личных часах в неделю. И о свидании. Крошечном таком, совсем маленьком, но настоящем.

– Рита, я ухожу, ключи у тебя есть? – кричит мама из коридора.

– Да, конечно. Хорошего дня, мамуль! – быстро подхожу и клюю ее в щеку. – До вечера.

– Дядя Глеб звонил на днях, папа говорил тебе или снова забыл? Тот узнал, что ты приехала погостить, и пригласил нас на юбилей. Несколько раз настаивал, представляешь! Будет что-то грандиозное! Как и всегда у них, впрочем, – она взмахнула рукой и закатила глаза, мы посмеялись. – В выходные съездим в торговый центр, подберем что-нибудь из одежды.

– Хорошо, сделаем. Только я не уверена, что хочу пойти.

– Из-за Кати? Или Леши?

– Нет, конечно, причем здесь он? – в основном из-за его девушки, конечно.

– Обсудим вечером. Он больше не звонил тебе?

– Нет. Вот один пропущенный, я перезвонила – он не ответил. И тишина. Все, беги, а то опоздаешь.

Наверное, он ошибся номером. А набрать меня снова – причину не нашел. Я думала о нем, но разве это достаточный предлог, чтобы писать чужому мужчине? А идти на день рождения к его отчиму?

Я закрываю дверь на замок, мешкаю, выбирая, отправить-

ся спать или пойти завтракать. Выбираю второе.

Так вот. Мне уже двадцать пять лет а у меня до сих пор не было отношений. До операции – понятное дело, извращенцев в Сибири не нашлось. Да и не хотелось мне с извращенцем. Хорошо бы с обычным парнем, чтобы чувствовал ко мне хотя бы что-нибудь. Потом начались комиссии, обследования, которые привели, наконец, к нескольким пластическим операциям с последующей реабилитацией и работой на камеру. Тяжелый период. Затем мы с Сашком всем объявили себя парой, переименовали его канал в «СашкинуМарго» и начали разыгрывать красивые романтические отношения. Наша легенда была прекрасной: чудовище в моем лице и прекрасный принц, что влюбился в ее зеленые глаза и расшибся в лепешку, чтобы сотворить чудо. На деле же все оказалось прозаичнее: любовь лучше продается. Бизнес.

История одной бедняжки никому не интересна. И вот если эту бедняжку за что-то безумно любят и боготворят – это любопытно и стоит внимания.

Поначалу меня ужасно смущал тот факт, что мы обманываем сотни тысяч людей, но со временем я привыкла и даже вжилась в роль его бессменной верной спутницы. Нужно было вернуть деньги, которые он в меня вложил, отплатить услугой за услугу. Таким образом в свет вышел документальный пятнадцатичасовой сериал о моем превращении, с последующим развитием событий на ютубе. Новые выпуски появляются каждые две недели, не считая прочих проектов, на ко-

торых мы также зарабатываем.

И все шло хорошо, пока я не устала. Смертельно устала от игры на камеру днем и одиночества ночью.

Недавно мой психолог и вовсе начала бить тревогу. Мне необходимо сосредоточиться на себе и своих потребностях, хотя бы на некоторое время отпустить свою жизнь и просто расслабиться. Иначе... я просто сгорю, как батарейка.

* * *

Подруг в этом городе у меня нет, но с одноклассниками мы все же списались и условились встретиться. Я стала инициатором, написала Катьке, той самой, которая Лехина сестра, та создала группу в ватсаппе, кинули клич – больше половины подтвердили, что будут.

Для встречи выбрали один из самых модных клубов, я бы предпочла уютный ресторанчик, где можно поговорить в спокойной обстановке, но в голосовалке клуб вырвался вперед со значительным отрывом.

Пришли в итоге к назначенному времени из шестнадцати человек – пятеро. Причем самые ярые активисты попросту не отвечают на звонки. Трое парней, Вика, с которой мы в принципе даже не здоровались никогда, ну и я. Ребята в первые полчаса накидываются до плачевного состояния, Вика постоянно с кем-то переписывается в телефоне, за что я ее

совершенно не осуждаю, так как поговорить из-за громкой музыки все равно невозможно.

Чтобы не грустить, я заказываю себе бокал вина и огромный сет роллов, молча жую, наблюдая развлекательную программу, в глубине души надеясь, что приедет еще хотя бы кто-нибудь! Ну пожалуйста. Раньше меня не замечали из-за уродства, сейчас... – а сейчас-то что не так?

После десяти вечера одноклассники потихоньку начинают отписываться, извиняться. У всех через одного приболели дети, появились внезапные проблемы на работе и так далее. Многих не отпустили в клуб жены или мужа.

Боже, как скучно! Пару раз ко мне подходят незнакомые мужчины, предлагают угостить напитками, но я упорно отказываюсь, а потом корю себя за трусость. Почему бы не надраться и не сделать это хоть с кем-нибудь? Открыть сезон охоты. Получить опыт, которым можно поделиться с подружками. Обрадовать своего гинеколога, в конце концов!

Если бы я могла вот так просто решиться переспать с кем-то, давно бы уже это сделала. Не знаю, сколько лайков под фотографиями мне должны поставить непредвзятые люди, чтобы я искренне поверила в собственную привлекательность.

* * *

Поразмыслив о том о сем, я решаю вызывать такси. Воз-

можно, Сашок прав – я теряю в этом городе время.

Леха тоже не звонит. Мы обменялись телефонами, как итог – оставили на мобильных друг друга по одному пропущенному и на этом, в общем-то, все, четыре дня тишины.

Оплатив счет, я мешкаю, прикидывая, сколько оставлять чаевых, как вдруг музыка резко замолкает, в зале включается свет. Перемены настолько неожиданные, что на миг я чувствую себя оглушенной и дезориентированной. Никто ничего не понимает, нам с остальными гостями заведения остается лишь беспомощно переглядываться и пожимать плечами. Из динамиков раздается громкий голос:

– Уважаемые посетители клуба и персонал, настоятельная просьба занять свои места и сохранять спокойствие. Работает наркоконтроль. Мы быстро посмотрим ваши документы, после чего вы вернетесь к общению и своим напиткам. Просим прощения за беспокойство, – договаривает представитель власти таким тоном, словно он просит чего угодно, но не прощения. Я вижу силовиков в черной форме на первом этаже. Человек десять в общей сложности, в масках, шлемах, вооружены до зубов. Проходят между столиками, по танц-полу, заглядывают в лица гостей, через одного просят показать паспорт, одному человеку заламывают руки и выводят на улицу.

Вот невезуха! Я, конечно, умирала от скуки и мечтала, чтобы хоть кто-нибудь присоединился к нашей провалившейся встрече выпускников, но явно ведь речь шла не о...

нарконтроле. Теперь сиди жди, пока силовики закончат работу. Широко зевая, я кручу в руках мобильный, находясь в шаге от того, чтобы установить «Лайфграм», как слышу у самого уха:

– Ваши документы, девушка, – мужчина в черной маске смотрит на меня в упор. Огромный, в бронежилете, с автоматом за спиной.

– Мои? – едва ли не теряю дар речи от неожиданности. – Я разве похожа на наркоманку? Эм, да, разумеется, мину-ту, – торопливо лезу в сумочку, достаю паспорт и протяги-ваю. Интересно, чем я могла вызвать подозрение? Выпила максимум полбокала вина, мои зрачки в полном порядке, раз уж на то пошло.

Силовик смотрит в паспорт, потом на меня, снова в пас-порт, достает рацию и зовет подкрепление. А вот это уже неприятно. Бояться нечего, моя совесть чиста, но почему-то необъяснимое ощущение беспомощности разгоняет пульс, а страх скручивает нутро до тошноты. Пальцы дрожат, когда я дергаю молнию на сумочке туда-сюда. Как я могу противо-стоять этим людям?

Теперь двое пялятся в мой паспорт, и тут меня осеняет! В обычной жизни я всегда пользуюсь заграном, а российский документ всё не доходят руки поменять, там старая фото-графия. Именно сейчас мой загран находится в паспортном столе, закончились страницы для виз.

– Это правда я, но до пластической операции, – объясняю,

но при этом изрядно нервничаю, – смотрите на глаза.

– Девушка, вам придется пройти с нами, – говорит один из них вежливо, но таким тоном, что отказаться не представляется возможным.

– Уточните, пожалуйста, на каких основаниях?

– До выяснения личности, – заключает он. Я поднимаюсь и под любопытные взгляды окружающих выхожу из зала в коридор, затем в холл, где всюю хозяйничают оперативники, а напуганный до смерти персонал стоит по стойке смирно.

Вместе с еще одной женщиной и двумя мужчинами нас усаживают в микроавтобус и оставляют вот так сидеть, видимо, в ожидании еще кого-то. Женщина изрядно пьяна и разгорячена, ведет себя неадекватно, судя по всему, она находится на своем месте. Что-то кричит, брызжет слюной, пытается вылезать из автобуса, отдала мне все ноги. Трижды ее возвращают на место, в очередной раз силовик встряхивает бунтарку так, что она, наконец, затыкается. Мужчину рядом со мной выворачивает наизнанку. Я забиваюсь в угол, понимая, что этот город не просто не рад мне – он меня люто ненавидит. И что-то мне подсказывает, к утру это чувство станет взаимным.

Сумку с телефоном у меня изъяли и бросили на переднее сиденье, но меня осеняет, что они не заметили умные часы на правой руке в форме браслета. Что же делать? Позвонить Сашку? Он в казино за тысячи километров. Отцу? Отвер-

нувшись к стенке, я поспешно набираю номер Лехи, два гудка, он не берет трубку. Тогда я оставляю шепотом сообщение: «Была в «Романтике», наркоконтроль везет в КПЗ до выяснения личности. Можешь помочь? Мне страшно».

В этот момент на место напротив меня не то усаживают, не то зашвыривают еще одного мужчину, на сей раз – с разбитым лицом. Его взгляд безэмоционально скользит по соседям и спотыкается об меня. Широкая улыбка расплзается по лицу.

– В этот раз у нас компания приятная! Кто ты, карамелька? Соня золотая ручка?

– Господи. Боже. Мой.

– Иди ко мне на коленки, сладкая. Вот это сиси!

– Рот закрыл, блть! – гаркает тот, что в черной маске, падает в салон и с грохотом закрывает за собой дверь. Благо пассажиры при нем всю дорогу помалкивают, только мужик напротив смотрит на меня неотрывно, да так, что волоски на коже стоят дыбом. Мои глаза перманентно круглые. Я пытаюсь прикрыть руками вырез на платье, но это его лишь сильнее забавляет.

– Свои такие сиси, а? – уточняет. Силовик поворачивает голову в нашу сторону и тот сразу же поднимает ладони: – Молчу, молчу, начальник. Ни слова!

На дорогу уходит минут тридцать-сорок, после чего машина останавливается, открывается дверь. Силовики выгребают пьяную женщину, ее компаньонов. Отмечая, что с мо-

ими попутчиками не церемонятся, я поднимаю ладони:

– Я сама! Я сама, честное слово! – и торопливо, по возможности обходя грязь, выбираюсь на свежий воздух. Свет тусклый, смотрю под ноги, чтобы не навернуться, а когда, наконец, поднимаю глаза, вижу в нескольких метрах своего Леху Марченко. О, Господи, спасибо, что он есть! От облегчения колени становятся мягкими, приходится приложить усилие, чтобы не рухнуть к его ногам от счастья.

Алексей разговаривает с мужчиной в гражданской одежде – возможно, оперативником. Его взгляд цепляется за меня, в этот раз он узнает меня мгновенно, кивает, жестом подзывает к себе.

Окружающие не могут сдержать смешков, так резко я стартую с места, устремляясь к своему спасителю. Он обнимает меня одной рукой, а затем – видимо почувствовав, настолько я замерзла, – поспешно снимает куртку и закутывает меня. Тренч остался в клубе, я совсем о нем позабыла.

– Короче, эта была такая ржака, мы охренели, – договаривает начатую мысль опер и закатывается хохотом. Леха тоже смеется, качает головой:

– Трындец, – отвечает. – Ну а чему ты удивляешься? Раскачались – и вперед.

– Ага, не говори. Твоя подруга? – спрашивает опер, кивая на меня. – Дождались.

– Она самая, – Леша делает шаг в мою сторону и покровительственно кладет руки на плечи.

– Здравствуйте, – решаюсь вставить пару слов.

– Вечер добрый. Ладно, еще раз извиняй, очень твоя знакомая подходит под наводку, и документы ее смутили, – окидывает меня быстрым внимательным взглядом. – Просим нас понять и простить, работа такая, – он наигранно разводит руками. Ясное дело, искренних угрызений совести не испытывает.

– Забудем. Ты без претензий? – обращается Марченко ко мне.

– Без, – ляпаю первое, что приходит в голову, лишь бы это приключение скорее закончилось. Мне хочется, чтобы Леха продолжал обнимать меня – в его куртке, конечно, тепло, но лучше бы вплотную к его телу. Все снова смеются, оперативнику приносят мою сумку, тот галантно вручает ее мне, на что я выдаю: «Спасибо, большое».

– Нам пора, буду на связи, – Леха протягивает руку собеседнику, тот пожимает ее, после чего отворачивается от нас и начинает командовать своими людьми. Вокруг суета! Полицейские машины с мигалками и без, горящие фары, кого-то привозят, кого-то увозят, люди в форме, какие-то крики... Жизнь кипит. Я смотрю под ноги, когда мы быстрым шагом покидаем территорию полицейского участка.

* * *

– Это ж надо так сильно озадачиться поиском причины

для звонка! Просто бы написала, что соскучилась, – говорит мне Алексей, когда мы оставляем позади ужас этой ночи. Шутит? Мне пока что-то невесело. Я даже не сразу понимаю, о чем он, а когда до меня доходит, бросаю на мужчину раздраженный взгляд. Показываю ему свой паспорт в раскрытом виде, он кивает, поджав губы. – Да, я бы тоже зацепился за этот документ. Новый, словно вчера напечатали, хотя дата старая. Фотка будто чужая. Кажется, что лажа.

– Спасибо, что так быстро отреагировал. Я просто в шоке, – говорю ему. – Они имели право так поступить? Я могу потребовать компенсацию морального вреда?

– Первый раз? – спрашивает он.

– Надеюсь, и последний.

– Ты случайно попала, помуржили бы до утра и отпустили.

– «Помуржили», – повторяю я мрачно.

– Испугалась?

– А ты как думаешь?

– Да, неприятненько. Ты, кстати, с кем была в клубе?

– С одноклассниками. Катька не приехала, не переживай.

Загребли только меня.

– «Загребли», – посмеивается он, жестом предлагая сесть в машину.

– Этот город меня презирает, ему не нравится мое лицо, каким бы оно ни было, – страх практически отступил, я чувствую злость и обиду, мне хочется рвать и метать. Или пла-

кать. Это так несправедливо!

– Мне кажется, для личного опыта каждый человек хотя бы раз в жизни должен скататься в обезьянник, – пожимает плечами мой невозмутимый собеседник. Я вздыхаю и откидываюсь в удобном кресле.

* * *

– Выглядишь уставшим, у тебя все хорошо? – спрашиваю, немного успокоившись. Мы уже подбираемся к моему дому. Печка приятно согревает колени, но я все равно продолжаю кутаться в его куртку. Не представляю, как он умудрился так быстро выяснить, куда меня везут, и приехать раньше моего сопровождения. Либо находился поблизости, либо летел хорошо за сотню, благо ночь, и дороги свободные. От благодарности отмахнулся, дескать, ерунда, но мне отчего-то кажется, что он остался должным тому оперу.

– Все нормально, я и правда замотался. Со смены только вот вернулся, глаза слипаются. Высотники с ума посходили, весь день карабкались в, мать его, – вертолет(!) и спускались оттуда, башка гудит, на руках мозоли, – он морщится и потирает пальцами. – Если бы еще хотя бы раз этот навык в черте города пригодился.

– Может быть, все впереди?

– Надеюсь, нет. Чтобы вертолеты подняли, что-то серьезное должно случиться.

– Выходит, ты тоже как-то связан с наркоконтролем?

– Нет, я же в СОБРе, наш отряд ответственен за немного другое, но за «этими», – неопределенно кивает в пустоту, безглаголиво скривив губы, – тоже иногда выезжаем. Раз на раз не приходится. Извини, что так вышло. Проколы случаются, жаль, что именно в этот раз. Насмотрелась, – кажется, он мне сочувствует. Ого!

– Да ладно, я отдышалась уже. Все понимаю. Расскажи, у тебя не было проблем с трудоустройством после армии? До меня только сейчас дошло, что звания-то не засчитываются.

– Засчитываются. Как уволился из армии майором, так и восстановился в полиции.

– Майором? Да ладно. Так быстро?

– В горячих точках идет льготное исчисление выслуги лет. Этого тебе отец не рассказывал? Только про хулиганские выходы? – подмигивает, вызывая у меня улыбку.

– Получается, ты воевал? На самом деле? А где? В Сирии? Он поглядывает на меня, хитро улыбается:

– Любопытная какая.

– Ты меня только что вытащил пьяной из обезьянника, какие у нас после этого секреты?

– Я же закончил школу снайперов – естественно, воевал. Не за стрельбу же по банкам мне дали майора в двадцать семь?

– А, – я прикусываю губу. За ликвидацию террористов, не за банки. У него своя собственная история. Стыдно, но все

эти дни меня волновало только наличие Ники в его жизни. Кажется, пришло время действительно важных вопросов. – Это очень тяжело, я даже не представляю себе.

– И не надо. Это такая работа... – он морщится. – Знаешь, вечно в грязи, практически всегда в одиночестве, максимум в паре. Задрало. Теперь у меня не жизнь, а сказка. Работаю, чтобы не заржаветь.

– Денег много нарубил?

– Надо? Хер пойми, куда столько девать. Отсыплю без проблем.

– Семейку заведешь, счет в банке только пискнет.

– Да, начальство требует жениться. Если в армии этого не допускалось, здесь прям давят сверху. Слушай, ты мне кофе сварешь так, чтобы родителей не разбудить? – он трет глаза. – Или это совсем неудобно?

Глава 5

Леха

Сонная тетя Нина бодро выскакивает в коридор, видит меня и искренне радуется, что Риту сопровождает не какой-нибудь неизвестный подозрительный чувак, почему-то у меня на языке болтается слово «обсосок». Иначе с чего ей так широко мне улыбаться в два часа ночи? Облегчение отражается на ее лице так явственно, что становится даже неловко за все те мысли, что крутятся в моей голове.

– Леша, какой приятный сюрприз! Привет! Каждый раз, как я тебя вижу, мне кажется, ты еще выше стал!

– Здравствуйте, тетя Нина, спасибо, но нет, давно не расту. Я ненадолго, извините, что разбудили.

– А я и не спала! Уснешь тут, когда ночь, а Риты дома нет.

– Мама, а ничего, что я живу отдельно с двадцати лет? – Ритка тепло обнимает мать, целует в щеку.

– Когда ты там, я не знаю, что у тебя происходит, и спокойна, а тут ночь, у нас криминальный город. Мало ли что! Все в порядке?

– Да, мам, иди спать. Я Леху кофе напою, провожу и тоже лягу.

На кухне Ритка суетится у плиты, я плюхаюсь на диванчик и закрываю глаза. Какая жесть, надеюсь, Демину дочь и вечно беременная жена тоже спать не дают после вчерашнего денечка. Мышцы болят даже в тех местах, где их быть не должно.

– Эй, Леш, Леша-а-а, – слышу тихий голос у самого уха, вздрагиваю, распахиваю глаза. – Это я, Рита. Ты уснул. Слушай, – шепчет она, – пойдём, я тебя уложу у себя? У меня широкий диван, места хватит. Отоспишься и поедешь? Кофе утром попьём.

– Это удобно? – идея не кажется такой уж провальной.

– Пойдем, – она берет меня за руку и ведет в комнату. В этой квартире я впервые, они переехали на правый берег уже после того, как я уехал из города. Рита включает ночник, указывает на диван, заманчиво расправленный на вид удобнейшей постелью. – Думаю, спиной к спине поместимся?

Спиной к спине. Мы, конечно же, поместимся, даже если просто ляжем рядом, необязательно на боку, вот только спать почему-то хочется значительно меньше. Нет, так не пойдет. Эту девчонку трогать нельзя. Тело, конечно, охренеть какое. И эти губы. Писец, какие у нее губы. У девиц, которых считаешь младшими сестрами, таких быть не должно. Будто из порно-мечты. Глядя на ее рот, забываешь даже о шикарных сиськах, располагающихся немногим ниже. И это Ритка, с которой мы слушали панк-рок и делились жвачкой изо рта. Но по итогу... слишком сложно с ней, не стоит того.

Пока она переодевается в ванной, я поспешно раздеваюсь, складываю вещи стопочкой и забираюсь под одеяло. Двигаюсь к стене, отворачиваюсь и закрываю глаза. Через пару минут свет в комнате гаснет, раздаются легкие быстрые шаги. Секунда тишины. Потом Рита ложится рядом и становится совершенно тихо. Только сердце колотится, и мысли недопустимые. Такое вообще бывает, чтобы с девушкой нравилось болтать и при этом хотелось трахаться? Что-то я переработался. Гребаный вертолет.

Лицо чужое, фигура незнакомая. Смех ее и шутки ее. Попробуй не двинуться рассудком.

Она долго ворочается, я то и дело просыпаюсь, реагируя на каждый звук. Не могу расслабиться на новом месте. Зато утром мы дрыхнем до одиннадцати, я подрываюсь около восьми от вибрации телефона – Ника заволновалась. Три раза сбрасываю ее настырные вызовы, затем отправляю девушку в черный список и снова отключаюсь.

Когда я открываю глаза в следующий раз, в комнате уже совсем светло, пахнет кофе и чем-то печеным.

– Все нормально? – спрашиваю, заглянув на кухню. Рита в домашних шортах и майке суетится у плиты. Услышав мой голос, вздрагивает, ее рука дергается, касается раскаленной сковородки, девушка вскрикивает и отдергивает ладонь.

– Блин! Блин! – пищит, прыгая на одной ноге, схватившись за палец. Включаю холодную воду, она подставляет под ледяной поток воды пострадавшую часть тела. Часто ды-

шит: – Все, легчает.

– Ты осторожнее, ладно? Повариха, блин, – смотрю на нее с подозрением.

– Да случайно обожглась. Все хорошо, родители на работе. Умывайся и приходи завтракать.

– Спасателей не вызывать? – киваю на ее покрасневший палец. Смеется сквозь слезы и отрицательно мотает головой.

* * *

Блинчики, конечно, удались, но как полноценный завтрак их расценивать сложно. Я бы съел что-нибудь существеннее, но неудобно переводить чужие продукты, тем более никто не предлагает. В животе пустота. Поглядываю на бутерброды с какой-то зеленой фигней и огурцами.

– Авокадо, очень вкусно, – сообщает она. – И полезно. Не любишь?

Ее палец по-прежнему в стакане с водой и льдом.

– Надо будет вытащить, – говорю ей. – Перетерпеть немного и станет хорошо. А то год будешь ходишь вот так, с чашечкой.

– У меня сложно с «перетерпеть» из-за последней операции, – она снова касается груди. – Раньше такого не было, а вот после этой... какая-то ерунда началась. Болевой порог сдвинулся, я даже брови не могу щипать, слезы градом. И страх появляется, но если медленно дышать, то проходит.

– Видимо, ты настолько задолбала свой организм, что он больше не в состоянии выносить страдания. Сигнализирует тебе, как умеет. Ладно, лицо, но с сиськами-то что не так было?

– Сам-то смотришь. Неужели не нравится?

– Ради этого? Чтобы мужики пялились? – приподнимаю брови. Она вздрагивает, и на мгновение я читаю на ее хорошеньком личике брезгливое выражение, не иначе кого-то вспомнила. Интересно, кого?

– Когда это озвучиваешь ты, становится как-то совсем не очень. В нашем веке все увеличивают грудь, это стандартная операция, – бросает в меня заученную фразу.

– Руку вытащи из стакана, ожога нет.

Она повинуется, но затем снова прячет палец под водой, извинительно пожимает плечами.

– Еще две минутки.

Не успеваем мы доесть блины, как мой сотовый начинает вибрировать на столе.

– Выспался? – спрашивает Тодоров, едва я принимаю вызов. По тону ясно, что не за мое здоровье переживает. По привычке подбираюсь при звуке голоса начальства.

– Да, вполне. Есть работа?

– Надо бы приехать часам к трем, ночью может пригодиться твоя поддержка.

– К трем буду.

– Хорошо.

Откладываю телефон и смотрю на Ритку – долго, не меньше минуты. Она приподнимает брови, спрашивая кивком: чего надо? Потом решает, что мы играем в гляделки, и силится не моргать. Живая, в чем-то непосредственная, но при этом совсем не такая, какой я ее запомнил. Пусть мне нещадно доставалось от Ленёва за малейший косой взгляд, но я уходил на улицу и расслаблялся в кругу друзей и знакомых. Для нее же улица превратилась в бесконечную аллею позора и агрессивного любопытства. Мне всегда было жаль эту девушку, и почему-то сейчас, когда вроде бы у нее, наконец, все наладилось, это чувство усилилось.

– Вызывают на работу? – спрашивает она.

– Ага. Спасибо за завтрак и приют, спасла меня.

– Это меньшее, что я могла сделать после того, как ты вырвал меня из лап наркоконтроля! До того, как меня «помуржили», – она произносит фразу таким тоном, что я невольно смеюсь.

– Кажись, мы вкладываем разный смысл в это слово, – приподнимаю бровь, она тут же играет в ответ своими.

– Не дай бог уснуть за рулем, Леш, – серьезноет. – Ты всегда, в любое время дня и ночи можешь приехать ко мне и выспаться. Уложу, накормлю и... – она обрывает себя. – Сварю кофе.

– Твой дядя был бухой, поэтому он уснул.

– Неважно. Все равно концентрация внимания от усталости снижается, – лечит меня с умным видом. – Так что на

работе? Что-то случилось?

– Лови завтра новости, – пожимаю плечами, – если случится – расскажут.

Мы коротко прощаемся. Домой бы, переодеться, но видеть Нику совершенно не хочется, поэтому ограничиваюсь утренним душем у Ожешко и выдвигаюсь на базу. Посмотрим, что там случилось и для чего понадобился снайпер.

* * *

Рассвет только собирается. Мы с Муравьевым стоим у шестнадцатиэтажного недостроя, похожего на заброшенную башню с призраками. Увы, это ближайшее высокое здание, откуда можно вести наблюдение за целью. Соседние сектора с домом, где разместилась наша сегодняшняя ОПГ, сплошь низкие. Приняли решение бить отсюда.

Ни одного фонаря в округе, естественно, лестничные проемы в недострое никто осветить не потрудился, днем данное строение внушало куда больше доверия.

За плечом родная СВД, сегодня винторез не подойдет, слишком мы будем далеко. Вторая снайперская группа притаилась за полтора километра, будут контролировать выезд из дачного поселка.

– КаПэ, прием, есть вопрос, – говорю в рацию.

– Паук33, слушаем вас.

– Почему на тренировку можно пригнать вертолет, а на за-

дание – нет? – без энтузиазма смотрю на высотку. – Я бы спустился вниз по веревке, вчера отработали до фанатизма, – и мысленно добавляю «идиотизма».

Муравьев ржет рядом.

– Ты щас договоришься, – предупреждает он меня.

– Паук33, – отвечает КаПэ, – приказ был: «весло» за плечо и ножками, – коротко и ясно.

– Принято «ножками».

«Веслом» они зовут винтовку Драгунова. Есть оружие точнее и убойнее, но для данной операции подойдет хорошо.

Поправляю рюкзак, чехол с СВД, киваю напарнику. Мы достаем фонарики и топаем. Важно не сбить дыхание и не вспотеть, сменной одежды с собой нет, а в мокрой даже за час весной можно околеть без движения.

Устраиваемся на нужном этаже, выбираем идеальное место. У врагов, конечно, снайпера нет, но по привычке устанавливаю винтовку на безопасном расстоянии от окна.

– КаПэ прием. Это Паук33. На месте, к операции готов.

– Паук33, принято. Доложите обстановку в секторах один и два.

Дача противника освещена хорошо, к их сожалению. Огромная территория как на ладони. Окружена высоким кирпичным забором, опутанным колючей проволокой. На участке трехэтажный дом, рядом строение чуть поменьше, возможно, склад, дальше – баня, гараж, огород. Докладываю, что вижу пятерых, прогуливающих между теплиц.

Все мужчины призывного возраста, вооружены. Женщин и детей не вижу. Продолжаю наблюдение.

Муравьев докладывает по ситуации: ветер, влажность... Пока все идет по плану.

– Паук33, пять минут до штурма. Как принято?

Снимаю винтовку с предохранителя, кладу палец на курок.

– Пять минут, принято. По команде снимаю часовых.

С этими людьми... людьми-то их назвать неправильно, – по-другому нельзя. Мы не должны допустить потерь с нашей стороны. Я отлично знаю всех своих ребят, знаком с их семьями. Моя задача сделать бойцов неуязвимыми. Вечером они вернутся домой, это даже не обсуждается.

Ласково поглаживаю курок, к моему оружию никто, кроме меня, не прикасается – я до одури ревнивый. Стрелять надо без сожаления. Часовым можно целиться в грудь. Когда начнется штурм, такой халявы не будет, я не должен допустить рефлекторного выстрела, иначе могут пострадать свои. И невинные, которые, возможно, тоже есть.

КаПэ дает команду. Муравьев подсказывает, глядя на вражескую базу через специальное устройство ночного видения. Первый выстрел. Как по маслу. Работаем.

Через пару секунд произношу в рацию:

– Штурм.

– Принято!

Наши высыпают словно из ниоткуда сразу с трех сторон,

с помощью лестниц легко перемахивают через забор. Двигаются бесшумно. Ага.

– Паук33, прикрывай.

– Могли бы не просить, – палец касается курка.

Все происходит быстро. В здании могут быть ни в чем не повинные люди, поэтому сегодня работаем без гранат, это, скорее, редкость. Штурм бойцам предстоит тяжелый.

Противники высыпают подобно тараканам из всех щелей, с автоматами, пистолетами. Дым, стрельба. Да сколько их там?

Наши атакуют здание. Внутри я им не помогу, только снаружи. Параллельно информирую базу о том, что происходит на территории, подсказываю по возможности.

– КаПэ, прием. Открыли двери подземного гаража, чую, будут прорываться на улицу.

– Принято.

Интуиция о чем-то шепчет, но тихо, неразборчиво. Так иногда бывает, мистика, но это работает. Что-то идет не так, требуется понять, что именно, и как можно скорее. На всякий случай наскоро оглядываю территорию, окружение и натываюсь на... твою мать!

– КаПэ, прием. Из сектора девять в направлении сектора один выдвигаются гражданские. Как поняли? Две женщины и двое детей.

– Это точно? В секторе девять промзона, там не могут быть гражданские.

Смотрю в прицел, Муравьев подсказывает, что мои глаза меня не обманывают.

– Повторяю: две женщины и двое детей движутся в направлении сектора один. Повторяю: на улицу прорывается машина, «Хаммер», забит вооруженными террористами. Если пропустим «Хаммер», дети окажутся с машиной на одной дороге. Повторяю: гражданские продолжают движение.

Сердце разгоняется, я чувствую, как потеет между лопаток. КаПэ молчит, охраневает тоже, откуда в пять утра народ на прогулке по промзоне?? Для грибников рано. Да там ничего нет! Ни электрички, ни остановки.

– Надо остановить гражданских, – повторяю. – Вероятны жертвы.

– Паук33, в данный момент некому. Докладывайте обстановку.

Снимаю двоих из окон, веду прицелом по участку дачи. «Хаммер» летит по территории, сбивая все на своем пути, из его окон непрерывная автоматная очередь на поражение, наши кинулись врассыпную, попрятались. Пытаюсь пробить колеса, но это не шибко-то помогает. Как бы зацепить водителя? С моей стороны его не достать.

Не могу взять цель. Все еще не могу. Счет идет на секунды. Развернись ко мне. Ну же. Давай, родной. Блтть. Женщины смотрят в небо, оглядываются, ищут фейерверки? Они все еще за высоченным забором заброшенной водокачки или что там раньше было, не понимают, откуда шум и что вооб-

ще происходит. Одна замирает, вторая тянет за руку, и они продолжают движение на верную смерть.

Что делать?

«Хаммер» разгоняется и врзается в ворота, практически проламывая их. Разворачивается на ручнике. Автоматная очередь из окон щедро рассыпает сталь, гады набились под завязку, сменяют друг друга.

Вижу, что наши перекрывают дорогу на выезде из поселка, далеко «Хаммер» не уедет, но...

– КаПэ, жду приказ. Могу грубо остановить гражданских. Мне нужен приказ. Повторяю: две женщины, двое детей движутся на линию огня. Они глухие? Я не понимаю.

– Здесь стрельбище неподалеку, – шепчет Муравьев. – Думают, что богачи развлекаются?

– Принято, Паук33. Решение за вами, – отвечает КаПэ.

– Мне нужен приказ, – с нажимом.

Пауза.

– Паук33, ты видишь ситуацию, мы – не видим. Решение за тобой.

Трындец.

– Тебя посадят, если застрелишь, – подсказывает тихо Муравьев. – Если же «Хаммер» не сможет сломать ворота, то получится, что ты ранишь гражданских зря. Тебя нагнут так, что мало не покажется.

Машина как раз набирает скорость для третьего рывка, из окон все еще палят, наши затаились за баррикадами и ши-

тами.

Навожу прицел на женщин по очереди, на детей. Кровь стучит в висках, палец на курке. Решение за мной. Какое бы я ни принял, оно будет провальным. Стреляю им под ноги раз, два. Перезарядка. Они оглядываются, но не понимают, что происходит. В Сирии было иначе, там народ наученный, при первом выстреле галопом несется в укрытие. Эти люди избалованы миром. Дети вокруг прыгают с телефонами или какими-то другими электронными мигающими устройствами.

Если я ошибусь, меня посадят. Если буду прав и ничего не сделаю, то жизнь на свободе мне больше не понадобится.

Выбираю в прицел руку той женщины, которая стоит удобнее всего. Стрелять надо плавно, плавно – значит быстро.

Щелчок, небольшая отдача. Женщина вздрагивает всем телом и падает, рефлекторно зажимает руку. Вторая кидается к ней, дети замирают, но движение остановлено. Я забываю дышать, и следующий вздох получается шумным.

«Хаммер» проламывает ворота, вылетает на дорогу, продолжая щедро орошать округу смертельными пулями. Гражданские в безопасности за железным баком.

– КаПэ, нужна скорая с реанимацией. Женщина, вероятно, ранение в руку.

– Принято, Паук33. Скорая выезжает.

«Хаммер» несется по колдобинам узкой дороги, из ок-

на высовывается один из пассажиров – мужчина призывного возраста, в руках пистолет. Выстрел. Это последнее, что успеваю сделать, прежде чем «Хаммер» уходит с моих участков, я возвращаюсь к даче, где часть наших завершают штурм, возможно, уже пустого здания. Контролирую окна, территорию.

– Сектор один – чисто, – произношу тихо.

– Принято, Паук33. Спасибо. Продолжайте наблюдение.

В следующие пятнадцать минут все заканчивается. Здание наше. Бойцы выносят четырех избитых женщин на свежий воздух, кутают в одеяла, жертвам тут же оказывают помощь полицейские врачи, скорые с мигалками приближаются с уважительной скоростью. Еще один врач латает попавшую под раздачу несчастную за железным баком. Неподалеку бойцы укладывают лицом на землю сдавшихся террористов. По рации получаю информацию, что в подвале обнаружили склад оружия и взрывчатки, которой хватило бы, чтобы поднять на воздух аэропорт. А в пристройке мешок марихуаны. Полный набор в этот раз.

На нашей стороне потерь нет, кроме женщины, из которой извлекут мою пулю.

Пока я спускаюсь вниз с высотки, кровь стучит в ушах, долбит по вискам. Мне тошно. Гул. С каждым шагом ботинки становятся тяжелее.

– Паук33, тебе просили передать, – в рации насмешливый голос Пехова, – что ждут с нетерпением в штабе. И мой тебе

дружеский совет,хвати вазелин.

Мы с ним, конечно, не друзья. Более того, он единственный, с кем спустя два года службы я все еще конфликтую. Раздражает до зубного скрежета.

– Принято. Вазелин как раз остался после встречи с твоей женошкой, – мрачно, – много не понадобилось.

– Надеюсь, тебя отымеют как следует, – ответка не заставляет себя ждать.

– Главное, знаю, кто потом приласкает, – вторю.

– Заткнулись оба, – вклинивается Демин, беззастенчиво превышая полномочия, но срабатывает, и Пехов закрывает рот. – Ситуация – жопа, но постараемся прикрыть. Паук33, сначала двигайся к сектору один, работы еще море, твой день не закончился.

– Принято.

Несуществующий туман сгущается перед глазами, когда Демин подходит ближе и кивком зовет следовать за ним. Пора. Никто не заставляет и не подгоняет, но не могу не идти. А по ощущениям, словно на эшафот. Это моя работа, и совсем скоро мне огласят ее результат, последствия, если быть точным.

– Что бы там ни было, ты принял единственно верное решение, – говорит он мне.

– Да мне пофиг.

– Ага, заметил.

Если бы можно было с ней поменяться, я бы поменялся

незамедлительно. Демин это знает, Тодоров тоже знает. Он прибыл лично, вон ждет у машины.

– Послушай меня, Марченко, – обращается с ходу, – женщина живая, выдыхай. Сейчас в реанимации, молись, чтобы протянула до следующего утра. Если получится у нее – выкарабкается. Подаришь букет цветов, мешок фруктов, и закроем вопрос.

– Я атеист.

– Я тоже, но в этот раз помолюсь. И тебе настоятельно советую. Домой не собирайся.

– Так точно: молиться и не мечтать о доме.

Глава 6

Леха

Домой я все же попадаю, правда, лишь поздним вечером и оставив за спиной все муки ада. Дважды чуть не сорвался на комиссии, умеют они подбирать вопросы. Все нутро вытащили и по сантиметрам просмотрели. В квартире, едва переступив порог, замираю, чувствуя шикарнейшие ароматы какой-то потрясающей еды. Сложно выбрать более неудачное время для праздничного ужина. Желудок болезненно отзывается, но горечь во рту настолько сильная, что сомнений нет – до утра я не способен проглотить ни кусочка.

Ника встречает как ни в чем не бывало, словно я не отсутствовал две ночи, проведя их непонятно где и отправив при этом ее номер в бан. Ну я ведь этого и хотел, разве нет?

– Как я рада, что ты пришел! Проходи ужинать, я такое наготовила! Устал, наверное.

– Спасибо, я не голоден, – сначала открываю окна, чтобы проветрить, затем направляюсь в ванную.

– Леш, слушай...

Поднимаю руку в предупреждающем жесте.

– Я не в настроении, давай потом. Тяжелый день.

– Ты обещал, что приедешь и мы поговорим. Прошло больше суток, скажи честно, у тебя кто-то есть? Нет, подожди. Это серьезно? Мне стоит беспокоиться?

– Не выноси мне мозг сейчас. Ни по этой теме, ни по какой-нибудь другой.

– Получается, ты не голодный? Где-то поел в другом месте? Со своей подружкой детства снова виделся? – в интонациях проскальзывают истеричные нотки.

– Просто исчезни. Сделай видимость, будто тебя не существует. Уйди в спальню и закрой за собой дверь.

Она смотрит на меня некоторое время, потом разворачивается и покидает комнату. Да, я скотина. Открытым остается вопрос, как скоро она это заметит.

Стою под душем, пока кафель под пальцами из прохладного не становится теплым, затем сажусь в ванной. Все проходит, и это пройдет.

В квартире темно и тихо. Заворачиваюсь в плед и падаю на диван в гостиной.

Уснуть не удастся, и выясняется, что не только мне, потому что в шесть утра получаю сразу три сообщения от ребят из отряда, у которых работают знакомые в той самой больнице, где борется за жизнь моя вчерашняя жертва: «Живая, не ссы». Ранение спровоцировало инфаркт, плюс она потеряла много крови. Одно дело стрелять, чтобы уничтожить, другое, – чтобы минимально навредить. Будет расследование: оценят траектории пуль, вмятины от свинца на заборе.

Мне нечего бояться. Но страха и нет. Просто почему-то не спится. Наверное, не устал.

В половине седьмого неожиданно приходит сообщение от Ритки: «По твоему совету посмотрела новости. Так себе советы у тебя. Полный отстой».

«А что там?» – говорить с ней не хочется, но любопытство побеждает. Она кидает мне скрины с громкими заголовками: «Снайпер СОБРа по ошибке застрелил мать троих детей». И ниже текст о том, что снайпер перепутал школьников в сопровождении двух женщин с отрядом террористов.

Прекрасно.

«Все, стоп, понял», – пишу ей, потому что девушка вошла во вкус и шлет уже пятый скрин подряд. Каждый из журналистов проталкивает собственную версию, в последней статье красным по белому и вовсе сказано: «Снайпер СОБРа сошел с ума и открыл огонь по прохожим. Есть жертвы». Потом, вероятно, выкатят опровержение, мое начальство предоставит свою версию, но осадочек у людей останется.

«Им лишь бы хайпить, неважно на какой теме».

«Тут почва плодотворная», – не могу не отметить.

«Ты же знаешь наш народ, все на свете прекрасно знают специфику вашей работы, и любой таксист с лету даст с десятка полезнейших советов».

«Ну а ты что посоветуешь?»

«Отвлечься».

«Напьемся?»

Рита

– Расслабься, никто не догадывается, что спятивший снайпер – это ты, – говорю ему у входа в бар. Марченко, как джентльмен, прибыл раньше дамы и со скучающим видом ждал, прислонившись спиной к стене. Я собираюсь напоить этого здорового красавчика и выведать все его секреты.

В ответ на шутку получаю неожиданный шлепок по заднице:

– Эй! Это что такое? – оборачиваюсь. – Держи руки при себе, хотя бы пока мы трезвые!

В ответ на мою задницу ложится вторая увесистая ладонь, он рывком притягивает меня к себе, даже пикнуть не успеваю. Деловито застегивает пуговицы на белой блузке до самого горла.

– Мне тесно, Леша, – делаю вздох полной грудью, сильно стянутой с его легкой руки тканью.

– Мне тоже, – отвечает спокойным голосом, смотрит при этом в глаза. Это как-то... неправильно. Надеюсь, мои щеки не розовеют.

– Это ты сейчас про что? – нервно улыбаюсь.

– Про роль твоего старшего брата, – усмехается.

– Да ты достал уже! – не понимаю, откуда столько эмоций, но я закипаю мгновенно. Отталкиваю его ладонями, он даже морщится. – Мы не родственники! Откуда в тебе это взя-

лось?

– Хей, спокойно, я сам решу, какая роль мне подходит. И... не забывай, я по-прежнему «спятивший снайпер».

– Я не верю, что ты сделал это нарочно или по ошибке.

– Отличный тост. Где мой виски? Или что сегодня выберет нам дама? – кивком приглашает зайти в бар.

Я вновь расстегиваю пару верхних пуговиц и первой захожу в распахнутую дверь, спускаюсь по лестнице в подвальное помещение. Преимущества большой груди и длинных светлых волос – что бы я ни надела, всегда цепляю взгляды. Толку, правда, от этого особо нет, это я говорю как двадцатипятилетняя девственница. Секрет успешных отношений кроется в чем-то другом. Но ни Леха, ни окружающие нас сегодня люди этого не знают.

* * *

Глаза у Марченко уставшие, замечаю это, когда мы занимаем места напротив друг друга за дальним столиком. Первым делом он заказывает кофе, а потом уже бутылку виски, я листаю меню в поисках салатов и закусок. Жизни той женщины ничего не угрожает, ей провели операцию, пообещали щедрую компенсацию морального ущерба. Кроме того, Лехе скорее всего придется навестить пострадавшую, такие сюжеты пресса любит.

– Ты спас ей жизнь и должен за это извиниться. Нечест-

но, – говорю после того, как мы сделали заказ. Он пожимает плечами, делая большой глоток обжигающего черного напитка. Я изучаю пенку в его чашке, коротко подстриженные ногти на жестких пальцах, между которыми он машинально катает пакетик с сахаром. Если я подниму глаза выше, мы снова будем смотреть друг на друга. – Что теперь тебя ждет?

– Вчера уже протащили через комиссию и двух психологов. Что дальше – пока не знаю, но от работы не отстранили. Завтра отдыхаю, послезавтра на смену, как обычно.

– Тогда выпьем за вмняемость? – поднимаю стакан, он салютует мне, после чего чокаемся.

Мы много раз весело и звонко чокаемся, но пьем почему-то мало, больше притворяемся разгоряченными. Играем роли беззаботных людей, разбавляем затянувшиеся паузы глупыми улыбками и смешками. Он все время осушает стакан до дна, но я заметила, что наливает на доньшке. Тем не менее эйфория подхватывает меня уже после второго глоточка и не отпускает до самой темноты, когда мы вдруг идем в кино, а затем, уже ближе к полуночи, заваливаемся в такси на заднее сиденье.

– Господи, это был фильм по комиксам! Почему ты плачешь? Это как-то связано с низким болевым пороком? – жестоко подкалывает он меня.

– Эй! Не смешно! Между прочим, если бы ты не сидел в телефоне половину сеанса, то не задавал бы сейчас глупые вопросы!

– Мне просто было скучно.

– Или мы меняем тему, или ругаемся, – грожу ему пальцем и хмурюсь, на что он притягивает меня к себе и бормочет что-то вроде: «Напилась, веди себя прилично», – но при этом улыбается.

На самом деле я весь вечер смеюсь, разругиваюсь, Ле-ха приобнимает меня одной рукой. Я устраиваюсь у него на плече и закрываю глаза, он утыкается мне в макушку. Мы оба сонные, вымотавшиеся, но в целом – вечер могу оценить на пять с плюсом.

– Ты приятно пахнешь, – говорит он мне шепотом. В салоне громко играет радио, Ле-ха трет носом о мой висок. Он намного ближе, чем следует, я тоже чувствую запах его кожи, смешанный с ароматом туалетной воды. Мне тоже приятно, но я решаю оставить это при себе. Он ведет рукой по моему плечу медленно и вместе с тем невыносимо сексуально. Пульс учащается, хорошо, что в темноте не видно моих постыдно горящих щек и лихорадочно блестящих глаз. Эмоции интенсивные, разрушительные и одновременно... такие настоящие. Никогда я не испытывала ничего подобного. Это слишком. Мне кажется, я медленно умираю.

Между нами ничего не может быть. У него – невеста, у меня – чувство собственного достоинства.

Он не пьяный, но навеселе. Я зажмуриваюсь, когда чувствую на себе его горячее дыхание. Он не догадывается, как на меня действуют эти игры по краю терпения, травит каж-

дым движением, словом. Никогда я не слышала: «я тебя люблю» – от мужчины. «Ты приятно пахнешь» – тоже отправляется в копилочку. Но он не должен об этом узнать, по крайней мере, не сегодня. Слишком унижительно.

– Знаешь, как было бы идеально закончить вечер? – у самого моего уха звучит его тихий, низкий голос. Мне кажется, я сейчас ударю его изо всех сил. Нервно прикусываю внутреннюю сторону щеки.

Вот так просто у людей: сходили на свидание, почувствовали химию, переспали. Перед этим купили надежные презервативы, обсудили допустимое в постели, наговорили друг другу приятных слов для храбрости. Обыкновенно и достойно. У других. Не у меня.

– Сейчас мы тебя привезем к Нике, и закончите, – парирую без особого энтузиазма. Жалею, что произнесла эти слова вслух. Воображение щедро подкинуло картинки, которые представлять совсем не стоило.

– Ты бы хотела оказаться на ее месте? – видимо, мой снайпер выпил больше, чем следует. Делаю глубокий вдох перед тем, как ответить:

– Нет, конечно. Бедняжка сидит у окна и ждет. Не мое.

Он смеется, а потом мы оба смеемся, но недолго, потому что, по сути, не над чем.

– Да, я гадко с ней поступаю.

– Почему? Тебе нравится обижать людей, которые тебя

любят? Это такой способ психологической самозащиты?

– Я такой, какой есть. Бывают и похуже.

– Ой, Леш, что за чушь? Любой человек может измениться, если захочет. Тем более, в лучшую сторону. Ты ее осознанно держишь на расстоянии. Чего ты боишься?

– Ничего.

– Все чего-то боятся. Я бы хотела встретить человека, с которым будет не так страшно.

– Не так страшно «что»?

– Всё, – вкладывая в это понятие действительно всё. В том числе, конечно, секс, но не только. Мне никогда не хотелось перепихнуться с кем-то по-быстрому. Сбросить напряжение. Для здоровья. Нет, все не то.

Возможно, какая-то часть моего внутреннего «я» застряла в наивном подростковом возрасте. Но искренние слова «ты мне нравишься» – разве живут где-то за гранью современных отношений? И лепестки по кровати при первом разе... дело ведь не в цветах вовсе, а в том, что кто-то заморочился. Постарался сделать приятное любимому человеку.

Он молчит некоторое время, я невольно слушаю радио, как раз заканчивается песня и начинаются полуночные новости. Провожая глазами столбы уличного освещения, пока мы пересекаем могучую реку Енисей по мосту. Диктор пробегается по важнейшим событиям дня, одним из которых становится болезненный для всей страны инцидент в Красноярске.

Замечая, что мы притихли, водитель делает погромче, и салон заполняет звучный мужской голос, рассказывающий о том, что женщину, попавшую под раздачу при операции СОБРа, перевели из реанимации в палату, ее жизни и здоровью ничего не угрожает, началось расследование действий силовиков.

– Твари, – плюется водитель, – только рядом с бабами и смелые, особенно когда с оружием в зубах. А случись война, где они, силовики эти? Обычные мужики пойдут границы защищать! Почему? Потому что там не бабы с детьми, а вооруженный противник. Труссы!

Я смотрю на Лешу, он невозмутим, открываю рот, чтобы возразить, но Марченко дает знак молчать, дескать, это бесполезно. Он не срывается на таксисте, хотя мог бы отыграть-ся.

– Полегче, мужик, я мент, – говорит спокойно, но с нажимом. Мне же улыбается и быстро подмигивает. Да, таксисты знают все, поделятся мнением, даже если не спрашиваешь, мы как раз обсуждали недавно.

– Так я не про полицию, – суетится тут же. – Вот если...

– Просто молчи, – советует Леха, и тот много раз подряд кивает.

– Сразу куда-то смелость подевалась, – подмечаю я с улыбкой. – Чего ж бояться, если все полицейские – трусы.

– Я ведь сам давным-давно служил, – вздыхает водитель. – Но в наше время было по-другому.

На улице так тепло, что я едва не забываю куртку в такси, благо Алексей заглянул в салон после того, как расплатился с водителем. Двор безлюдный и тихий, лишь откуда-то изда- лека доносится веселая современная музыка и залиvistый женский смех. Свет в квартире родителей не горит: мои по привычке не переживают, отпуская дочь с Марченко. Навяз- чивое дежавю.

Он сказал, что сдаст меня из рук в руки, поэтому вышел из автомобиля и отпустил такси. Иду впереди, он не отстает. А у самого подъезда вдруг обнимает со спины. Быстро. Креп- ко. Прижимает к себе, скрестив руки на моем животе, скло- няется и целует в щеку. Так быстро, совершенно без преду- преждения. Хотя разве перед поцелуем нужны какие-то дли- тельные подготовительные мероприятия?

Я теряюсь. Почему-то замираю, не в силах пошевелиться. Просто стою, слушая биение собственного сердца. Его горя- чая ладонь скользит по моему животу, опускается ниже, сле- дом перемещается на мое бедро, сминает его, неторопливо поглаживает ягодицы через синюю джинсовую ткань. Он по- ворачивает меня к себе и смотрит сверху вниз. Его рот при- открывается, мой следом – тоже. А потом он наклоняется для настоящего, взрослого поцелуя в губы, в последнее мгно- вение я успеваю отвернуться, подставляя ему щеку. Мужчи-

на не теряется, его горячие губы скользят по моей коже, в то время как пальцы ласкают спину, то и дело опускаясь к бедрам. Все происходящее – совершенно серьезно. Не так, как восемь лет назад на лавочке. Не из жалости. Он находит мою шею, и поцелуи становятся влажными.

А я... парализована ужасом и неподвижна, словно каменная статуя. И нет, я совершенно не боюсь своего меткого снайпера, более того, я уверена, что он остановится в любую секунду. Мое тело сладко откликается на прикосновения его крепких рук. Я жадно вдыхаю ставший знакомым мужской запах, каждой клеточкой ощущаю силу этого человека, во много раз превосходящую мою собственную. Волоски на теле встают дыбом, будто кто-то ведет лезвием по коже, и мне почему-то это приятно. А еще ноет: грудь ноет, внизу живота так и вовсе нестерпимо. Мне нравится, я хочу сказать ему об этом. Хотя бы обнять в ответ... но не получается. Я просто стою, как ненастоящая. Не Рита из плоти, крови и бурлящего в жилах адреналина, а восковая фигура, которой по-фи-гу.

Если бы мы занялись любовью в следующую минуту, меня можно было бы назвать активно не возражающим бревном. Так ждала этот момент и в итоге... растерялась.

– Ты дрожишь, – говорит он мне хрипло, нехотя отрываясь от шеи. – Ты меня не хочешь? Или все-таки – да? – и снова смотрит. Больше секунды ответа не ждет, подхватывает меня под бедра и делает несколько шагов, пока не впечатывает спиной в стену прямо под чьим-то окном.

Я распахиваю глаза и молчу, скрещиваю лодыжки, обнимая его ногами. Его руки на моей заднице, он медленно поглаживает, словно не хочет спешить, но и не может отказать себе в удовольствии.

Поцелуи становятся совсем легкими, он пробегает губами по щеке к подбородку. Поднимает глаза, встречаясь с моими. Клянусь, он адски заинтересован в продолжении. Еще немного и поцелует, а потом... а потом его ждет сюрприз. И кстати, он вообще помнит, что мы в шаге от подъезда?

От долгого зрительного контакта начинает кружиться голова. То, что я сейчас испытываю, – будто разрушает меня. Ощущения слишком сильные, я не привыкла, я не умею.

– Мне уйти? – спрашивает он, ослабляя хватку и опуская меня на землю, которая слегка покачивается.

– Нет, – обретаю дар речи. – Не уходи. Прости. Я... сама не знаю, чего испугалась.

– Я хочу тебя, – вот так просто и честно. Прямо в лоб. Наверное, к этому можно привыкнуть. К тому, что меня хотят. Вот бы он потрогал меня еще, но я не чувствую сил, чтобы открыть рот и попросить об этом. Вместо этого снова начинаю дрожать.

Он медленно и глубоко дышит.

– Ты знаешь, я думаю о тебе постоянно, хотя это и неправильно. Наверное, я бы мог постараться быть... нежнее и добрее, если бы ты позволяла мне себя трахать каждый раз после работы, – говорит он медленно, следя за моей реакци-

ей. Я смотрю круглыми глазами в его светло-голубые, внимательные, словно загипнотизированная. Позволять ему себя трахать каждый день. Ого. У меня приоткрывается рот. – Оставайся здесь, дома.

– А Ника? – в этот момент я в состоянии выдавить из себя только имя его подруги.

– Я ее не люблю. Мне все равно, кто будет на ее месте, лишь бы кто-то был.

– А если я?

– Можешь быть ты. Если хочешь.

Я сглатываю, пытаюсь сформулировать в следующем вопросе свои главные мечты и страхи:

– А любовь?

– Что любовь?

– Не уверена, что смогу быть ненавязчивой, – пожимаю плечами, он насмешливо улыбается. Поднимает мою ладонь, переплетает наши пальцы, сжимает чуть сильнее, чем следовало бы, но не до боли. Быстро отпускает. Подносит к лицу и галантно целует тыльную сторону ладони несколько раз. А потом... потом он проводит языком между указательным и средним пальцем, лаская мою кожу, при этом неотрывно глядя мне в глаза. Не понимаю, почему это так приятно, но у меня подкашиваются ноги от удовольствия.

– Ты можешь попытаться, – говорит он. – Обними меня за шею. Быстрее.

Я повинуюсь. Кладу руки на его грудь, веду к плечам, пе-

реплетаю пальцы на его затылке. В это время он вновь подхватывает меня под бедра и впечатывается в мое тело, прижимая меня к себе крепко-крепко. Джинсы впиваются в область между ног, в сто крат усиливая ощущения. Я откидываю голову на кирпичную стену и закрываю глаза.

– В тот раз ты не хотел. Что изменилось? – спрашиваю, когда он снова касается губами моей шеи. Я так сильно хочу его в этот момент, что готова выполнить все, что он скажет. Мне даже хочется, чтобы он попросил меня сделать что-нибудь пошлое, за что будет утром стыдно. Ну пожалуйста.

– Я решил, что пожалею, если не предложу тебе.

– А просто так... просто переспать ты не хочешь?

Мы могли бы прямо сейчас поехать в гостиницу. «Я хочу тебя» – это ведь почти то же самое, что «ты мне нравишься» и «я тебя люблю». Или нет?

– Нет, – отвечает то ли на озвученный мной вопрос, то ли на тот, что пульсирует в моей бедовой головушке.

– Почему?

Он натянуто улыбается:

– Что с тобой сделали Москва и новые сиськи, Рит? – приподнимает левую бровь, посмеиваясь надо мной. – Это не в моем стиле, я не трахаюсь параллельно.

– Твой стояк упирается мне между ног.

– У меня там, конечно, все отлично, но джинсовую ткань не прорвет. Грязь разводить мы не будем, ты уедешь, мне потом с этим жить, – он снова наклоняется и шепчет на ухо: –

Оставайся.

Освоившись окончательно, я провожу пальцами по его затылку, ероша короткий ежик волос, по лицу, мне так это нравится!

– Рит, не искушай меня, – он улыбается, но глаза остаются серьезными. Взгляд скользит по моему лицу. – Я людей убиваю, все остальное должно быть в рамках.

– Ты про то, что это – грех?

– Я же человек, и я хочу им остаться. Насколько это возможно. Если нарушить все границы, от чего потом отталкиваться? Не уезжай в Москву. Нафига тебе все это надо? Я посмотрел твой канал. Он никакой не твой, даже называется «СашкинаМарго». Этот Сашка к тебе относится как к диковинке. «А вот Марго спит», «А вот так Марго кушает». Ты его лялька. Вырастай, – последнее слово шепчет едва слышно.

– Прекрати, – его слова обижают, парой предложений он обесценивает все, чем я занималась последние годы, я хочу встать на ноги. Целую секунду он меня не отпускает, в этот момент я понимаю, что ничего не могу против него сделать, в этом мужчине силы немерено. Затем все же повинуетя и даже делает шаг назад. Без его прикосновений моментально становится холодно, и я обнимаю себя руками.

– Прекратил. Ты же с ним не спишь?

– С чего ты взял?

– Создалось такое впечатление. Ночью я промотал

несколько выпусков. Ну и... если бы ты его любила, разве бы горела так сильно в моих руках?

– Не говори так, пожалуйста, – я отворачиваюсь, мне становится ужасно неловко.

– Иди, – прощается он. – Махни мне из кухни, – кивает на окно. – Чтобы я знал, что все в порядке.

– Никто на меня в подъезде не нападет.

– Мне будет спокойнее. Спасибо за вечер и поддержку.

– Увидимся. Наверное, уже на юбилее дяди Глеба. Ты же будешь?

– Да, появлюсь. Подумай над моими словами. Это не порыв, я не шучу сейчас.

Я хочу ему ответить что-нибудь, но вместо этого коротко киваю и ухожу.

Глава 7

Алексей действительно ждал, пока я не отпущу его, махнув из окна. Некоторое время мы будто зависли, глядя друг на друга, затем он развернулся и отправился ловить машину. Я подумала, что было бы неплохо перекусить после насыщенного вечера, но в итоге надолго задержалась в ванной комнате. Не знаю, как скоро он погасил свое возбуждение и пришел в норму, но мое тело по-прежнему горело огнем, дыхание рвалось, словно он все еще находился рядом, а пальцы дрожали от потребности продолжать ласки.

Поначалу я стояла под прохладным душем, но быстро поняла, что таким образом остыть не получится, и легла в ванну. Включила полный напор теплой воды, откинула голову и попыталась расслабиться.

Так и лежу с закрытыми глазами уже пару минут, медленно дышу, жду, пока наберется хоть несколько сантиметров воды. Что же я делаю? Смываю его прикосновения и поцелуи? Да нет же! Прячусь от родителей, пытаюсь справиться с взрослыми желаниями в одиночку.

Как же остро! Какое-то безумие. Можно ли назвать эмоции, которые рождает любовь, деструктивными? Наверное, да, но отчего-то при этом я чувствую себя счастливой. Улыбаюсь, проводя пальцами по шее, немного грубо, будто это снова он. Затем по щеке и к подбородку. Моя грудь напря-

жена, соски – твердые горошины, с каждой минутой я дышу все чаще. Он завел меня. Завел так сильно, что мне физически плохо без разрядки. Никакое порно на подобное неспособно, и это я сейчас размышляю не теоретически.

Ждать его с работы, чтобы спать с ним. И, наверное, не только, но даже если брать в расчет лишь секс, в данную минуту предложение не кажется таким уж сухим и унижительным. Он не изменяет, всегда будет делать это только со мной. Наверное, по-разному.

Я заваливаюсь на бок и поджимаю ноги. Неудобно. Возвращаюсь в положение «на спине». Потом пробую устроиться на другом боку. Вода уже скрывает колени, а я никак не найду себе места. Веду руками по груди, животу, опускаюсь ниже, касаюсь клитора. А перед глазами при этом стоит он. Я со всей силы сжимаю бедра.

Бросить все, чего достигла, чтобы быть с ним. Вот это предложение! Он что, правда считает, что настолько хорош собой? Самоуверенный гад! Сердце готово выпрыгнуть из груди.

Изо всех сил зажмуриваюсь, фантазируя, будто меня все еще трогает он. Воображаю себе его запах. В следующий раз я бы вела себя увереннее, я бы прижалась губами к его шее и поцеловала. Провела языком. Я бы коснулась его губ своими. Я бы... Подношу те самые пальцы, между которыми он целовал, ко рту и совершаю те же движения языком, что выбили меня из колеи на улице. Мои щеки горят, я не отдаю себе

отчета в том, что делаю. Осознаю только, что не могу остановиться. Стыд уступает место безудержной похоти, я сама себя ласкаю и целую, представляя его. Думая о нем. Сердце колотится на разрыв. Ощутить бы вес его тела на себе. Услышать на ухо, что хочет... как сильно хочет. Меня.

Оргазм обрушивается уничтожающей разрядкой, я сворачиваюсь в комочек и дышу часто и быстро. Много. Задыхаюсь, поймав гипервентиляцию. Прижимаю ладони к лицу, снижая уровень кислорода в воздухе, иначе, клянусь, потеряю сознание и захлебнусь.

Я чувствую себя живой как никогда раньше, но при этом... вымотанной, окончательно разрушенной. Целое мгновение меня нет, я не существую. А потом открываю глаза и ошарашенно гляжу на себя в зеркало. Губы красные, глаза блестят, щеки – словно нарумянил кто для фотосессии. Я, конечно, не впервые себя ласкала. Дома, в столице, в моей тумбочке у кровати даже имеется несколько игрушек – сразу вспоминаются слова Лехи «что с тобой сделали Москва и новые сиськи», отчего я невольно грустно улыбаюсь. Но то, что я испытала сейчас, – было несопоставимо. Мне ужасно хочется к нему. Прильнуть сильно-сильно, чтобы обязательно обнял. И лежать на его груди, дышать в такт. Мне кажется, я люблю его. Да так, что душа болит. Еще больше, чем в юности. Я выросла, и вместе со мной выросли чувства к этому мужчине. Да, он изменился. Сердитый, но бывают и просветления.

Выбравшись из ванны, я наспех вытираюсь полотенцем, как вдруг испуганно замираю. Посетившая мысль такая логичная и страшная, что на миг ослепляет безысходностью. Вряд ли он так же закрылся в ванной и думает обо мне. У него есть возможность сбросить напряжение получше. Даже если он будет представлять меня, но... при этом трахать-то ее.

Я долго сижу на кровати, подтянув колени к груди, смотрю в окно, думаю о них с Никой и злюсь. На него, на себя. На то, что мне предстоит сложный выбор. Меня поедает ревность. Сначала изнутри, а потом кажется, что и все тело. Будет хватать кусками, пока под утро от меня не останется ничего, кроме мокрой от слез подушки.

«А ты ко мне хоть что-нибудь чувствуешь?» – отправляю ему ночью, окончательно съехав с катушек. Не прочитано. Он спит.

Утром первым делом, едва проснувшись, хватаю телефон и вижу от него непрочитанное. Аж ладони потеют. Сообщение пришло в половину восьмого: «Только к тебе, наверное, и чувствую». Божечки, что же мне теперь делать?

Лёха

Ради столь важного события я поменялся сменами.

«Ты последний человек, которого я хочу видеть на своем празднике, но мать расстроится, поэтому уж сделай одолже-

ние», – примерно так пригласил меня Ленёв на свой юбилей. Разве можно отказать настолько душевному человеку?

«Конечно, буду, надеюсь, и тост удастся двинуть», – ответил незамедлительно. А сам подумал: нафига? Но было поздно.

«Подарка в конверте с твоей стороны вполне хватит. Постарайся больше никого из гражданских не пристрелить до двадцатого числа, мы с матерью долго готовились».

«Всегда стараюсь, вы ж знаете».

Видеть ни его круглую рожу, ни пробивающуюся лысину мне не хочется, но придется потерпеть, чтобы не расслаблялся. С возрастом он стал спокойнее, пока не выпьет, разумеется. А тут целый загородный отель забронирован на двое суток, алкоголь оптом закупали, на газели привезут. Мамка считает, что дождалась золотого времени, перетерпела тяжелые моменты и будет теперь как сыр в масле кататься. Надеюсь, оно того стоило. В любом случае я пригляжу, чтобы ее иллюзия не лопнула.

Буду и на этом празднике, и на всех последующих. От приглашений в гости также отказываться не стану. А потом, как знать, и гроб ему подберу, когда придет время. Не зря же он меня растил столько лет. «Человеком» сделал с помощью палки, шнура и кулаков. Я догадываюсь, что он продолжает ее бить, когда я уезжаю в командировки. Делает это таким образом, чтобы к моему возвращению успеть помириться, и типа ничего не было. Ублюдок. Но что тут сделаешь? Она

всегда вставала на его сторону, придумывала оправдания. А он словно не верил, что я однажды вырасту, и теперь удивлен до глубины души. Как говорит наш психолог при отряде: их семья – не моя зона ответственности. На мою жизнь в данный момент он не оказывает влияния.

Иногда мне даже хочется, чтобы он меня спровоцировал. Благо он не идиот, и мы продолжаем жить оба.

Отель и правда большой: с двадцатью комнатами на втором этаже, просторным холлом и двумя залами – на первом. Также рядом расположены еще два гостиничных корпуса, все жилые помещения выкуплены. Вокруг природа фантастическая, воздух свежайший.

К пяти часам собрались уже человек двести гостей. Женщины – сплошь в вечерних платьях с крошечными сумочками, мужчины – в костюмах, кое-кто в парадно-выходной форме с медалями. Будьте осторожны и внимательны, нынче гуляют ментовские шишки и их семьи.

Оба зала заставлены столами, в одном басит громкая современная музыка – кто хочет, тот танцует, в другом происходит более спокойное общение, ведущий развлекает гостей, периодически показывает фотографии и заранее подготовленные короткие фильмы о Ленёве.

Сам именинник во главе стола сидит довольный, улыбается.

Мы с Никой некоторое время прогуливаемся по участку,

но вскоре она начинает мерзнуть, и приходится вернуться в здание. С этой девушкой мы стали совсем как чужие после той ссоры, и с каждым днем это ощущение усиливается. Будто что-то оборвалось, и даже время не помогает восстановить отношения. Она тоже чувствует холодок, вчера мы в очередной раз поговорили, решили подыскать ей квартиру. Она плакала, но ее предложения по исправлению ситуации сделали лишь хуже.

«Просто заведи себе пару любовниц и сделай так, чтобы я ничего не узнала. Это же несложно. Все так делают и все довольны», – вдруг выдала она мне в ответ на очередной подкат дней десять назад. «У нас уже было на этой неделе, сколько тебе еще нужно?» Больше стало не нужно совсем. Да и, честно говоря, с ней скучновато. Никакой инициативы, море пофигизма.

Через полгода совместной жизни она перегнула в неназойливости, я перестал замечать ее.

Ника думает, что я сплю с Риткой, и старательно закрывает на это глаза. Рита скоро уедет, а она останется. В ее словах была бы логика, но... я улыбаюсь, прерывая собственные размышления.

Маргарита Ожешко, конечно, самая яркая из сотни присутствующих здесь женщин. Вроде бы и платье не вызывающее, но отвести глаза невозможно. Стройные ноги и круглая задница – всегда были при ней, но сейчас образ дополнили идеальная прямая спина и открытая улыбка, чего ей,

по понятным причинам, недоставало раньше. То и дело ловлю на девушке взгляды истекающих слюной гостей мужского пола призывного возраста, да и пенсионного тоже. Многие из них знали ее совсем другой: искалеченной девочкой без будущего. Сейчас она блистает. Меня радует, что она утерла им всем нос.

– Рита Ожешко имеет успех, – говорит мне Ника, когда мы усаживаемся за стол. Я быстро отвожу глаза, понимая, что жадно пялюсь. И... действительно сглатываю слюну, благо успел, пока по подбородку не потекла. Капец, как хочется. Как хочется эту девушку. В любой позиции. Быстро или медленно. Теперь уже на любых условиях. Красная тряпка перед глазами.

– Да, она впервые за пять лет, считай, приехала в Край. Я так понял, большинство ее просто не узнали. Ну, и незнакомым тоже любопытно, – говорю нейтрально.

– Все роют ее фотографии до и после. Я прошла по компаниям девушек, в основном ее обсуждают.

– Вот, блин, бабы. А ты как? Тебе весело?

– Вполне. Спасибо, что взял с собой.

– Прекрати, когда я тебя не брал? Мы же по-хорошему расходимся, не врагами, – честно говоря, я не собирался ее сюда тащить, но она уже нарядилась и вышла в коридор готовая, отказать было бы жестоко.

– Враждовать с тобой совсем не хочется. И возможно, мы еще помиримся. У нас есть проблема, уверена, ее можно ре-

шить.

– Главное – без помощи экстрасенсов и магов, а то тут две курицы тащили детей «отшептать» к местному бомжу-шаману в пять утра через промзону на окраине.

– Ты о чем?

– Да так. Будешь еще вино? Говори, я принесу все, что хочешь.

– Спасибо, у меня пока есть.

Дальше мы снова молчим, она фотографирует себя, я по привычке наблюдаю за обстановкой. Ленёв покраснелся от водки и удовольствия. Толкает тост о том, как много мама для него значит. Все идет хорошо, по плану. Вечер растягивается на много часов, Ника часто отлучается поболтать с Катей и другими девушками, я тусуюсь в мужских компаниях, большая часть друзей Ленева – полицейские, и разговоры в основном тематические. Поднимают и недавний инцидент, спорят, верно ли поступил снайпер. Не вмешиваюсь, не хочу выдавать себя. У большинства уровень знаний снайперского дела как у того таксиста.

– О, гляди, Анька мужа отчитывает! – кивает один из сослуживцев Ленева на ругающуюся пару. Женщина действительно тащит своего смущенного мужика куда-то на улицу.

– А что случилось?

– Заревновала к дочке Ожешко. Сегодня все бабы будто с ума посходили, только о ней и сплетничают. И ее московском любовнике. Фотографии смотрят.

Я молча слушаю.

– А что там? Интересные фотографии?

– Красивая девка у Славика выросла. С огоньком.

– Это та, которой операции делали? У тебя есть? Покажешь? Ух ты, где мои тридцать лет! – они смеются, дружно наблюдая за Риткой. Я тоже смотрю на нее, и словно почувствовав, она поворачивается, наши глаза встречаются. Она неловко улыбается и пожимает плечами. Выглядит настолько комичной и забавной, что я не удерживаюсь, ставлю стакан с выпивкой на стол, подхожу к ней и предлагаю потанцевать.

– Уверен? – привстает на цыпочки, тянется к моему уху и говорит полусшепотом: – Прошлого капитана жена за ухо оттащила от меня и пошла ремня всыпать, – скрещивает руки на груди и капризно притопывает ножкой.

– Он младший лейтенант, ему до капитана еще работать и работать, – протягиваю ей руку.

– Значит, набрехал, паразит. А я уже губу раскатала, – закатывает она глаза, мне становится смешно, но ненадолго. Этот ее чудесный рот. В губы мне не дала себя поцеловать. Вот почему? Хорошие моменты были. А сегодня даст?

– Ну я-то повыше в звании буду, со мной так не получится, – веду ее немного в сторону и обнимаю за талию. – Ты не обиделась? На сцену ревности.

– Шутишь? Я только рада была! Он хорошо поддатый, начал руки сразу распускать. И от него странно пахло... – она

морщит лоб, подбирая определение. – Ладно, неважно. Я не хочу расстраивать Нику. Она сегодня была мила со мной.

– Ты так нервничаешь, будто я тебя в кладовку тащу. Подумаешь, танец.

Она колеблется, затем все же целомудренно кладет руки на мои плечи. Времени у нас мало, песня подходит к концу, поэтому я решаю не тратить его зря:

– Так что насчет моего предложения?

– Какого? – невинным голосом.

Мои ладони на ее талии. Изрядно злит, что я не могу позволить себе больше. У меня такое ощущение, что она уже моя, осталась какая-то нелепая формальность, которая никак не решится. Я все обдумал, мне хочется. Пока я подыскиваю ответ поострее, она продолжает со вздохом:

– Ты всегда появляешься вовремя. Когда я в этом городе, конечно. Было ужасно, просто ужасно плохо, когда ты поступил в универ и уехал. А потом началась служба, и я окончательно тебя потеряла.

Мне кажется, она выпила лишнего. Но обнимаю покрепче. Она кладет голову мне на плечо, молчит некоторое время, а я начинаю догадываться, что именно сейчас скажет.

– Ты хочешь обратно в Москву, верно? – произношу спокойно. Да, негатив никто не любит, на моей работе его много. Зря с ней поделился в прошлый раз, женщины должны быть уверены, что все под контролем.

– Мне здесь некомфортно. Среди всех этих людей. В этом

городе я мало была счастлива. Да и насчет твоего лестного предложения... Вдруг у нас не получится, а ты расстанешься с девушкой. Я буду чувствовать себя виноватой.

– Мы сейчас живем больше для моего прикрытия по работе, чтобы проблемы в семье не привязали к инциденту. Я попросил ее об одолжении.

– А если я соглашусь?

– То я рискну, – прижимаю ее к себе. Последние пара глотков алкоголя будоражат нервную систему, мне следует остановиться, но вместо этого я обнимаю крепче.

Сутулюсь, наклоняюсь к ней ближе, а она снова дрожит. В прошлый раз я гадал: от страха или возбуждения, – но тут-то бояться нечего.

– Леша, пожалуйста. Мне надо идти. Ты просто... я не могу вот так. Выбрать или/или. Там моя жизнь, мои друзья. Мы разные. Спецназ, полиция – я далека от этого, понимаешь? Меня тянет к тебе, но... не навсегда. Прости, – она легонько отталкивает меня, разворачивается и поспешно уходит в сторону дамской комнаты.

Ну вот и все. Капец мне.

«Не навсегда». На пару раз.

На меня многие смотрят, поэтому с невозмутимым лицом медленно отхожу к стене, затем следую к столу, беру новый стакан с виски, делаю большой глоток.

Когда сутки ждешь цель, и уже нет сил терпеть статическую позицию – тело ноет, глаза режет – нужно сделать сле-

дующее: дать себе еще шесть часов. Что такое шесть часов? Четвертая часть дня, это ни о чем. Как только они истекнут, я разрешу себе подняться и проследовать на базу. Не получилось, такое бывает. Обычно на исходе шести часов включается второе дыхание, азарт, чувство долга, патриотизм – иногда все вместе. Берешь еще шесть. Однажды я брал отсрочку пять раз подряд, пока не выполнил задачу. Так же и на гражданке. Иной раз надо просто подождать. Смотрю на Нику. Шесть дней? Недель? Лет? Лажа. Не пойдет.

Мне намекнули на быстрое повышение, как только поставлю штамп в паспорт. Придется перебиться.

Сестра Катька приобнимает меня и заглядывает в лицо, мы перебрасываемся несколькими общими фразами, потом она хлопает меня по животу:

– Дай ей шанс.

Не сразу понимаю, о ком именно речь. Спрашиваю кивком.

– Дай шанс Нике. Напугал ее, девчонке нужно время, чтобы прийти в себя. Она говорит, ты ее совсем замучил.

– Жалуется, значит.

– Нет, она отмолчалась. Но ты же меня знаешь, я сама докопаюсь. Разведка по мне плачет.

– Не мучил я ее особо. Просто не складывается. Мы уже договорились, я ей квартиру сниму на полгода-год, там дальше уже сама. Не мое это.

– Все ждут, что ты вот-вот женишься, а ты даешь от ворот поворот хорошей девчонке! Скажу по секрету, мама надеялась, ты сегодня объявишь о помолвке. Уверен? Думаешь, с другой будет лучше? Вспомни о своем адском характере, не каждая вытерпит. Эй, Леш, – она зовет меня, так как отвлекся. Рита быстро отводит глаза, когда мы случайно пересекаемся взглядами. Словно обжигается.

– Что?

– И ты тоже! Да сколько можно на нее глазеть! Как вас просто поймать на крючок, – она показывает на себе буфера необъятного размера.

– Не делай так, она может заметить.

– А она не в курсе, как выглядит?

– Закончили этот разговор. Иди проветришься.

Один мой приятель утверждает, что женщины любят, когда решают за них. Просто подойти, пригласить прогуляться на второй этаж и закрыть дверь на ключ. Чуток надавить, никуда не денется. Особенно если под градусом. Но я видел однажды изнасилование своими глазами. Настоящее, реальное и до отвращения жестокое, со всеми звуками, запахами и криками о помощи. Хотя все они не цветочки. Мы вмешались практически вовремя, чуть-чуть бы пораньше, но успели. Это было тошнотворно. И меня, и парней, с которыми вломились в тот дом, пробрало. Мы ликвидировали всех тварей, хотя они не имели оружия и сопротивления не оказывали, это случилось не в России, там такое сходит с рук. В

должности пехотного стрелка я, конечно, повидал многое.

Мы лишь переглянулись и пошли дальше, этот дом не подошел для ведения огня, чудо, что мы туда вообще заглянули. Кошмары меня ночами не мучают, но кое-какой багаж со службы домой я привез. Предпочитаю, чтобы согласие партнерш было очевидным, чтобы не пошел ассоциативный ряд.

Хм, не ее это – спецназовцы. Да она даже не пробовала!

До полуночи Рита активно демонстрирует равнодушие к моей персоне и внимание к другим мужикам, как бы давая мне понять, что ее «нет» – это железное «нет», и без вариантов. Я закипаю медленно, но неотвратимо. От всей этой ситуации, ее идиотского поведения, трущейся рядом Ники... Как бы чего не вышло.

Скоро должен приехать мой приятель, который обещал отвезти Нику домой. Нам забронировали один номер на двоих, больше ночевать девушке негде. На сегодня для нее праздник закончился. Он как раз подъезжает, и мы, упаковавшись в куртки, ждем на улице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.